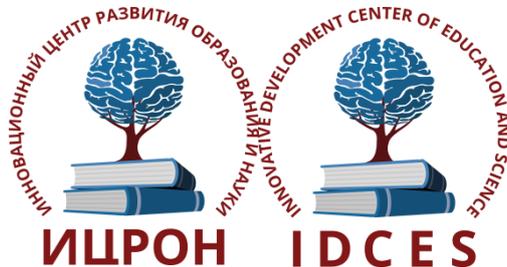

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Проблемы и перспективы юриспруденции
в современных условиях**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 июня 2018г.)**

г. Казань

2018г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

УДК 34(06)
ББК 67я43

Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. г. Казань. – НН: ИЦРОН, 2018. 64 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалям Рашит Галемзянович (г. Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г. Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г. Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г. Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г. Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г. Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г. Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикун Илья Рифкатьевна (г. Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г. Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам V Международной научно-практической конференции «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

© ИЦРОН, 2018 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	5
СЕКЦИЯ №2.	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	5
РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Багрий А.А.	5
ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ Гегкиев А.Б.	7
СИСТЕМА КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН Кудинов В.В., Вылцан С.В.	10
МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ Тепсуев М.С.	13
СЕКЦИЯ №3.	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	16
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ Гребенник Л.А.	17
SOME ASPECTS OF UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION OF OBJECTS OF COPYRIGHT Grebennik L.A.	17
АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ НОРМ О ПРЕКРАЩЕНИИ НОВАЦИЕЙ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА, А ТАКЖЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ Колпатчикова А.Д.	21
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН Мамасуев Р.В.	26
ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА Стукалова Д.Д.	30
ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НЕДВИЖИМОСТИ Четверикова К.В.	33
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	35
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	35

СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;	
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	35
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	35
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АКУШЕРСТВА	
Бабина А.А.	35
КАССАЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	
Власов Д.Ю.	38
НЕОДНОКРАТНОСТЬ ВЫНЕСЕНИЯ НЕЗАКОННЫХ, НЕОБОСНОВАННЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ	
Иванов Д.Г.	40
МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ	
Исангулова А.Х.	42
ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ	
Исангулова А.Х.	44
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	
Казак Д.А.	47
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
Клипина И.Ф.	50
ЯЗЫК КАК ПРИНЦИП УСПЕШНОЙ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
Мирошникова Т.С. , Буфетова М.Ш. Miroshnikova T.S. Ю, Bufetova M.S./	53
ДОСТОВЕРНОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
Пипоян Г.К.	55
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ	
Раушанова Э.Р.	57
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	61
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	61
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	61
СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	61
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД	62

**СЕКЦИЯ №1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

**СЕКЦИЯ №2.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

**РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Багрий А.А.

Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск

Аннотация: В настоящей статье на основании теории и судебной практики проводится анализ профилактической роли Конституционного Суда РФ в возникновении избирательных споров, а также оценивается его роль в разрешении указанных избирательных споров.

Ключевые слова: избирательный спор, профилактика, предупреждение, конфликт, выборы, референдум, решение, определение, конституционный акт,

В настоящее время избирательное законодательство, в общем, нашло в себе отражение опыта избирательных кампаний в России и во многом обеспечивает возможность защиты и восстановления избирательных прав субъектов избирательного процесса.

При осуществлении избирательных прав в современном российском политическом процессе следует отметить, что они являются одними из самых часто нарушаемых прав личности, в том числе нарушение права на участие в выборах и референдуме, что таким образом может оказывать влияние на всю политическую систему.

Независимо от причин, современная общественно-политическая обстановка разрешает использование применения действенных мер защиты избирательных прав личности и профилактики их последующих нарушений, а также наличия эффективных механизмов разрешения споров путем судебного производства, в том числе конституционного.

Среди элементов большого вида механизмов и средств обеспечения прав и свобод граждан самой популярной и важной представляется судебная защита. Ей отводится особое место, так как реализуется самостоятельным и независимым органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения гарантии своей деятельностью прав и свобод человека.

Судебная защита представляет собой гарантированную и обеспеченную государством возможность каждого восстановить свои нарушенные права с помощью обращения в судебные органы в целях вынесения и исполнения судебного решения[1].

Что касается защиты избирательных прав граждан, то значение судебной формы защиты как одного из самых существенных инструментов заключается прежде всего в том, что:

- именно судебные органы обеспечивают защиту демократических принципов, находящихся в основе реализации избирательных прав, а также оказывает препятствие незаконным избирательным технологиям, в первую очередь в сфере предвыборной агитации и избирательной кампании[2].

- именно судебная защита всех аспектов активного избирательного права в конечном счете обеспечит полную и эффективную реализацию установленных избирательным законодательством норм[3].

- именно судебная защита избирательных прав обеспечивает должное функционирование демократического института выборов и представляет собой юридический механизм реализации избирательных прав, который осуществляется органами судебной власти по инициативе уполномоченных законом субъектов посредством конституционного или особой формы гражданского судопроизводства в целях предотвращения нарушений избирательных прав, устранения препятствий их реализации либо восстановления нарушенного права.

Как справедливо указал Суд в п. 2 своего Постановления, вопрос о распространении права на обращение в суд за защитой избирательных прав граждан, в том числе в связи с их нарушением при подсчете голосов и установлении итогов голосования, определении результатов выборов, на иных субъектов, помимо собственно избирателей и кандидатов, избирательных объединений, решается федеральным законодателем с учетом следующих обстоятельств:

- особенностей правового статуса соответствующих субъектов;
- характера их участия в избирательном процессе;
- уровня развития политико-правовой, демократической культуры;
- необходимости обеспечения в конкретно-исторических условиях повышенного демократического контроля со стороны институтов гражданского общества в отношении функционирования избирательной системы;
- иных значимых обстоятельств[4].

Система публичных и индивидуальных интересов, сформированная Конституционным Судом РФ при рассмотрении дел, которые связаны с осуществлением избирательной демократии, с одной стороны, направлена на гарантирование субъективных избирательных прав, с другой - обеспечивает стабильность действующей политической системы России, воспроизводство и функционирование институтов власти[5].

Но практическая деятельность Конституционного Суда РФ не всегда имеет возможность восполнить появившиеся в законодательстве пробелы в полном объеме и определить при рассмотрении избирательных споров баланс между публичными и частными интересами.

Это говорит о том, что суд осуществляет толкование уже действующих правовых норм, где публичный интерес не имеет закрепления. В итоге судебная практика продолжает развиваться быстрее законодательства, и Конституционный Суд РФ достаточно часто вносит значительные изменения в правотворческую деятельность законодателя.

Примером этого может быть Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П, где суд определил порядок реализации положений федерального законодательства о формировании органов местного самоуправления и обязал субъекты РФ привести законодательное регулирование в сфере организации муниципальной власти в соответствии с его правовыми позициями.

Конституционный Суд РФ, хотя и не имеет статус непосредственно юрисдикционного органа по рассмотрению избирательных споров, оказывает значительное воздействие на избирательный процесс с помощью корректировки избирательного процесса, конституционной оценки действующих норм избирательного права. Конституционный Суд РФ в процессе своей деятельности осуществляет воздействие на процесс законотворчества в сфере избирательного права как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Акты конституционного правосудия касаются как вопросов конституционности положений избирательного права, так и принципов избирательного права, способствуя закреплению в российской избирательной деятельности основополагающих конституционных принципов, общечеловеческих ценностей конституционализма и демократии[6]

Конституционный Суд РФ принимает акты, осуществляющие воздействие на дальнейшую деятельность законодателя.

Конституционный Суд РФ принимает свои акты по инициативе уполномоченных на это органов государственной власти, а также на основании жалоб граждан и их объединений на нарушение их конституционных прав и свобод законодательным актом, примененным или подлежащим применению в определенной ситуации.

Иначе говоря, Конституционный Суд исключает из существующего избирательного законодательства нормы, способствующие появлению избирательных споров. Таким образом, его решения имеют исключительно важную профилактическую роль.

Постановления и определения Конституционного Суда, затрагивающие конституционно-правовые основы организации и проведения выборов и референдумов, способствуют единообразному применению норм законодательства о выборах государственными органами всех уровней, что эффективно отражается на выполнении избирательных прав граждан.

Другими словами, рассмотрение Конституционным Судом дел о нарушениях избирательных прав граждан уже внесло существенный вклад в решение проблемы приведения регионального законодательства о выборах и референдумах в соответствие с федеральным, а также с общепризнанными нормами

международного права и международными избирательными стандартами, что играет важнейшую профилактическую роль в предупреждении возникновения избирательных споров.

¹Астратова С.В. К вопросу о содержании конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 77.

²Тлехатук А.К. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в системе средств защиты избирательных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 56.

³Соболева А.К. Толкование права на судебную защиту в контексте избирательного законодательства: последнее слово за Конституционным Судом // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 791.

⁴Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 18. Ст. 2292.

⁵Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 50. Ст. 7226.

⁶Берлявский Л.Г. Нормы и институты избирательного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 8. С. 18.

Список литературы и источников

1 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 18. – Ст. 2292.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 50. – Ст. 7226.

3 Астратова С.В. К вопросу о содержании конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина / С.В. Астратова // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6. – С. 77 - 80.

4 Берлявский Л.Г. Нормы и институты избирательного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Л.Г. Берлявский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 8. – С. 18 - 21.

5 Соболева А.К. Толкование права на судебную защиту в контексте избирательного законодательства: последнее слово за Конституционным Судом / А.К. Соболева // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7. – С. 791 - 796.

6 Тлехатук А.К. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в системе средств защиты избирательных прав граждан / А.К. Тлехатук // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 56 - 60.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Гегкиев А.Б.

магистр СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Коллизии права нередки в современной правовой системе России. Среди юридических коллизий особое место занимают конституционно-правовые, понимаемые в широком смысле как противоречия между правовыми явлениями. Наличие конституционно-правовых коллизий подтверждается большим количеством обращений в Конституционный Суд РФ, что свидетельствует о необходимости создания дополнительных механизмов, позволяющих системно регулировать общественные отношения, связанные с воздействием на юридические коллизии. Этому могут способствовать научные исследования причин и условий коллизионных отношений.

Ключевые слова: юридические коллизии, коллизии конституционных норм, юридическая техника, правовое регулирование, правовая система.

Полноценное функционирование государства и общества нельзя представить без четкой структуры и стабильности. Поэтому, без установленных норм поведения не получится наладить благополучное существование и разного рода деятельность общества. Именно для таких целей и действует право, которое является официально закрепленным сводом норм общественного поведения.

Но часто случается так, что между людьми возникают различного рода споры и разногласия, без решения которых будет трудно сосуществовать далее. Поэтому и нужно понимать сущность этих конфликтов, а также искать различные средства и способы урегулирования и решения спорных вопросов.

В настоящее время в связи с фактически ежедневным увеличением объема правового управления сферами жизни и деятельности общества и государства увеличивается также и объем различных правовых коллизий. Такие юридические противоречия возникают практически всюду: в правовых теориях, правовых взглядах, нормативных актах, а также в юридических действиях. Именно из-за этого все более и более востребованными становятся нормы, действующие, если можно так выразиться, «по отклонениям».

Исследование причин и условий возникновения различных коллизий может способствовать уяснению возможностей их преодоления. Актуальность данной тематики обусловлена разнообразием правовых отношений, где необходимо четко понимать значимость юридических коллизий и уметь избегать противоречий в праве. Также этот вопрос актуален с практической стороны, потому что адекватное толкование коллизионных норм в нормативных актах позволяет наиболее полно реализовать права участников разнообразных правовых отношений.

При выявлении причин коллизий в конституционном праве стоит исходить из материалистической точки зрения. Согласно этой концепции, конституционное право порождается борьбой интересов (в первую очередь экономических и политических) разных социальных групп. Противоречивые интересы рождают противоположные по своему содержанию нормы и принципы права, которые могут одновременно присутствовать в системе права. Борьба с коллизиями в праве никогда не будет доведена до конца, поскольку противоречивые интересы разных групп общества будут все время порождать все новые и новые коллизии между нормами права. Эта борьба так же вечна, как жизнь.

Особенность конституционного акта заключается в том, что он пытается найти компромисс между разными группами общества, закрепив противоположные по содержанию принципы права, угодив всем сразу (централизм и децентрализм, обеспечение прав человека и интересов общества, самостоятельность и единство органов власти и т.д.). Таким образом, коллизионность конституционных актов становится неустранима. Разрешить коллизии между противоречащими принципами права можно только на время, для какой-то ситуации.

Конституционное право отражает борьбу нового со старым. Высокой степенью коллизионности отличается конституционное (государственное) право в период перехода страны от доконституционного к конституционному строю (конституционализация старого доконституционного строя). В конституционных актах могут отражаться противоречия между желанием государственного аппарата сохранить свою независимость от общества и стремлением общества поставить этот государственный аппарат себе на службу. Консерваторы стараются протащить в конституционный акт элементы монархии, а сторонники прогресса пытаются расширить власть парламента. Традиционалисты могут добиться закрепления в конституции государственного статуса какой-то религии, а сторонники нового вводят в нее нормы о равенстве всех перед законом.

Коллизии междунормам права могут возникать в результате не верного их толкования. Так, в России, часто социальное государство путают с патерналистским [2, с. 56]. В связи с этим, от государства, ссылаясь на ст. 7 Конституции РФ, требуют опеки над всем населением страны. Это требование противостоит праву на предпринимательство и частную собственность. Население считает, что государство должно осуществить огосударствление крупных предприятий и за их счет раздавать населению получаемую прибыль от их работы.

Лицемерная политика государства в переходный период проявляется в том, что оно в официальном позитивном праве закрепляет одни нормы, а в реальности поддерживает другие, нацеленные на нейтрализацию первых. Государство может признавать естественное право, но на деле издавать не соответствующие ему нормы официального права.

Условием умножения коллизий между нормами конституционного права является не эффективный механизм их выявления, устранения или преодоления. Так, ч. 3 ст. 115 Конституции РФ [1] дает только право, но не обязывает Президента РФ отменить постановление Правительства, если оно противоречит Конституции, закону или указу. То есть она предусматривает случаи, при которых Президент РФ будет

спокойно взирать на коллизии между нормативными актами и не предпринимать ни каких мер по их устранению. При отсутствии разделения властей нейтрализуются институты охраны конституционных норм.

Противоречивость права является основой для реализации права сильного. Властный субъект по своему усмотрению, исходя из собственного интереса, может использовать то одну, то другую норму. Возникает правовая неопределенность, которую можно использовать для поддержания неравенства в обществе, создание привилегий для одних и ущемления прав других.

Коллизии в конституционном праве часто рождаются в результате стремления разработчиков конституционного акта закрепить в нем самые передовые идеи, которые не могут реализоваться в обществе на данном этапе. Для регулирования отношений в имеющемся несовершенном обществе приходится издавать нормы, вступающие в конфликт с идеалами конституционализма: суверенитетом народа, демократией, верховенством прав человека.

Разработчики конституционного акта стремятся к тому, чтобы их детище существовало долгие годы и не вступало в конфликт с требованиями будущего. Поэтому они намеренно вводят в текст конституционного акта противоречивые принципы, учитывающие современные и будущие потребности [З, с. 196]. Коллизионность принципов обеспечивает динамичность развития общества, предохраняет его от кризисов, связанных с преодолением какой-то односторонности, господства одной линии развития в ущерб другой. Коллизии возникают из самого противоречивого желания с одной стороны обеспечить стабильность общественных отношений, а с другой стороны дать возможность для их развития. Таким образом, нельзя считать, что коллизии в конституционном праве всегда являются видом дефекта права.

Коллизий, как правило, невозможно избежать в федеративном государстве, где сильные элиты регионов, поддерживаемые своим населением, вступают в борьбу с бюрократией центральной власти. Например, Конституция РФ писалась в период ослабления центральной власти и в ее текст намеренно были заложены противоречивые нормы. Использование региональным законодателем своей власти в 1990-е годы систематически приводило к конфликтам норм Федерации и субъектов Федерации. Унитаризация государства, осуществляемая в России с 2001 г., сняла остроту проблемы. Региональные власти копируют законодательство Центра. Прокуратура следит за тем, чтобы в регионах не проявляли ни какой вольности.

При сложном механизме государства между органами власти и должностными лицами, как правило, возникают споры о компетенции. Они могут порождать принятие противоречащих между собою норм права. К примеру, история США показывает, что соотношение власти между Президентом и Конгрессом постоянно менялось. Борьба за власть между ними не прекращалась никогда и коллизия между нормами права, закрепляющими их полномочия, по-разному разрешалась на разных исторических этапах.

Подводя итог, следует отметить, что коллизионность права неизбежно возникает при увеличении количества норм, расширении правового регулирования, усложнении системы права. Вместе с тем с точки зрения диалектики, всякое общество развивается через борьбу противоречий, которая также отражается в конфликтующих между собой нормах конституционного права и всякий раз требует своего разрешения в рамках существующих правовых реалий и существующих способах их разрешения. И в этой связи необходимо путем постоянного мониторинга законодательства находить эти коллизии и своевременно их разрешать.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учебное пособие [Текст]. – М., 2000. – 395 с.
3. Миличук Д.С. Коллизионное право как межотраслевой институт системы российского права [Текст] // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 196–198.

СИСТЕМА КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Кудинов В.В., Вылцан С.В.

(Кудинов В.В. - кандидат юридических наук, Курганский государственный университет, г. Курган;
Вылцан С.В. - Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва)

В Федеральном законе от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] закреплено следующее определение понятия «коррупция»: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Сравнив иранский и российский варианты официально закрепленных определений, можно прийти к выводу, что с содержательной точки зрения они имеют существенное различие. С одной стороны, в обоих определениях объективная сторона коррупционного деяния описывается как «нарушающее законодательство страны, приносящее вред интересам общества и государства, предпринимаемое сознательно с целью получить выгоду материального характера для себя или иных лиц». Вместе с тем, в иранском варианте определения в качестве субъекта коррупционных деяний выступает физическое или юридическое лицо, а российский закон в аналогичном случае упоминает должностное лицо. С точки зрения сущности коррупции правильнее говорить о субъекте должностном лице. Вероятно, иранский вариант, закрепляющий в качестве субъекта коррупции физическое лицо, необходимо трактовать ограничительно, подразумевая «должностное лицо», так как вести речь о коррупции вне рамок наличия у лица властных полномочий не имеет смысла.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность в области противодействия коррупции в Исламской Республике Иран является Закон «О повышении административной дисциплины и противодействии коррупции»[4]. В оригинале на персидском языке название этого закона звучит следующим образом: قانون ارتقاء سلامت نظام اداری و مقابله با فساد (ганун-э эртэга-э салямат-э незам-э эдаривамогабелэбафсад), что на русский язык дословно переводится как «закон о повышении здоровья административной системы и противодействии коррупции». Ставя на одну смысловую линию понятия «коррупция» и «здоровье административной системы», иранские законодатели отчетливо обозначили, что они рассматривают коррупцию как «болезнь». Действительно, если властные структуры поражены ею, то государственное регулирование в области политики и экономики начинает работать неэффективно, удовлетворяя материальные потребности узкого круга лиц, а не решая вопросы, имеющие значение для всей страны.

Названный закон закрепляет ряд ключевых положений, имеющих первостепенное значение в области борьбы с коррупцией. Так, в нем дается определение данного явления: «В настоящем законе под коррупцией подразумевается действие или бездействие, предпринимаемое физическим или юридическим лицом по отношению к лицу, группе лиц или организации, нарушающее законодательство страны и наносящее ущерб общественному имуществу, интересам или безопасности общества и государства. Эти деяния должны предприниматься сознательно с целью получения выгоды напрямую или косвенно для себя или третьих лиц. Примером может служить получение или дача взятки, растрата, сговор, злоупотребление служебным положением, нецелевое расходование средств, служебный подлог, уничтожение или сокрытие служебной документации».

В отношении юридических лиц в качестве субъектов коррупции в Иране необходимо сказать особо. Как следует из содержания статьи 143 Закона «Об исламских уголовных наказаниях»[5] (УК ИРИ), уголовная ответственность распространяется на физических лиц, однако, юридические лица могут подвергаться «уголовной ответственности», в случае, если их законный представитель совершит преступление от имени или для извлечения какой-либо выгоды для данного юридического лица. Хотя дословный перевод требует употребления словосочетания «уголовная ответственность юридических лиц», правильнее будет говорить о существовании в правовой системе Ирана административной ответственности для юридических лиц в рамках уголовного процесса.

В рассматриваемом законе ИРИ закреплены права и обязанности органов, участвующих в той или иной степени в процессе противодействия коррупции в стране. Статья 4 закрепляет, что Министерство информации обязано для предотвращения совершения коррупционных действий осуществлять оперативное обеспечение особо уязвимых точек в экономической сфере государства, таких как осуществление крупных сделок с иностранными

государствами, реализации значительных инвестиционных проектов, национальных программ, при наличии сведений о нарушениях в ходе их осуществления. Свою деятельность в указанной сфере Министерство информации осуществляет только после получения судебного разрешения. Таким образом, основная специальная служба ИРИ является ключевым субъектом не только при осуществлении разведывательной и контрразведывательной деятельности, но и в области экономической безопасности, хотя эта задача конкретно не прописана в Законе «О создании Министерства информации Исламской Республики»[6]. Учитывая, что свою деятельность в области экономической безопасности Министерство информации санкционирует с органами судебной власти, можно утверждать, что они являются значимым субъектом в области противодействия коррупции, а не только в сфере осуществления правосудия.

Согласно статье 11 рассматриваемого нормативного правового акта органы судебной власти обязаны предоставить органам исполнительной власти предложения по улучшению правового регулирования в сфере борьбы с коррупционными преступлениями. В данном случае имеется в виду, что эти органы на основе анализа практики рассмотрения и вынесения приговоров по административным и уголовным делам коррупционной направленности должны предоставлять компетентным инстанциям (Меджлису, отдельным министерствам) предложения по изменению или принятию нормативных правовых актов в области противодействия коррупции.

Не только судебные органы занимаются анализом ситуации в стране с точки зрения противодействия коррупции и разрабатывают меры по ее улучшению. Министерство внутренних дел также обязано разрабатывать систему мер по улучшению деятельности неправительственных организаций, занимающихся предотвращением и борьбой с коррупцией, а также оценкой показателей коррупции. Указанная система мер должно предоставляться в Меджлис ежегодно.

Министерство экономики и полезных ископаемых обязано в процессе осуществления своей деятельности осуществлять контроль над экономической активностью физических и юридических лиц и в случае обнаружения нарушений оповещать компетентные органы с предложением по улучшению ситуации, а также создать информационную базу кредитных рейтингов юридических лиц и предоставить ее для открытого использования. Создание единой базы кредитных рейтингов юридических лиц является мерой по увеличению «прозрачности» и понятности бюрократических процессов, особенно в области осуществления государственных закупок и выполнения государственных заказов. Подписание контракта со стороны государственного органа с юридическим лицом, имеющим низкое место в рейтинге, или созданное незадолго до объявления соответствующего заказа, будет являться сигналом о возможном сговоре или, в целом, нарушении хода выполнения государственного заказа.

Наличие у Министерства экономики и полезных ископаемых контрольных полномочий за экономической деятельностью физических и юридических лиц, с одной стороны, является позитивным элементом для предотвращения коррупционных деяний, с другой, наличие большого числа контрольных органов может существенно осложнить активность в области экономики.

Правительство ИРИ в рамках реализации рассматриваемого закона обязано на основе исламских норм при взаимодействии с остальными ветвями власти подготовить «Кодекс этики и поведения государственных служащих»[7] в рамках реализации цели по повышению административной дисциплины. Служащие органов, являющихся субъектами данного закона, обязаны следовать требованиям этого кодекса. С точки зрения содержания данные требования просты, но составлены с учетом специфики исламской идеологии, действующей в Иране. Сами государственные служащие в этом нормативном правовом акте названы «слугами Бога», их призывают выполнять свою работу таким образом, чтобы «Бог остался доволен ими». Положения Кодекса апеллируют к морально-нравственной сфере, призывая государственных служащих в своей деятельности руководствоваться требованиями их совести и этическими исламскими нормами. Но необходимо отметить, что в Кодексе не содержится положений, описывающих санкцию за несоблюдение требований, закрепленных в нем.

Еще одним органом в общей системе контроля за деятельностью субъектов данного закона является Управление планирования и контроля президента Ирана. В его обязанности помимо прочего входит отслеживание и документальная фиксация действий субъектов рассматриваемого нормативного правового акта, а также их обнародование. Это положение Закона «О повышении административной дисциплины и противодействии коррупции» является дополнительным фактором обеспечения большей прозрачности деятельности исполнительных органов власти.

Необходимо особо подчеркнуть тот факт, что президент Ирана является вторым по важности должностным лицом в Исламской Республике, а большинство субъектов анализируемого закона являются именно органами исполнительной власти, во главе которой стоит президент Ирана. В конечном счете именно на нем замыкаются информационные потоки в сфере деятельности данной ветви власти, и если мотивы корпоративности будут у

президента ИРИ выше вопросов результативности, то вся система органов исполнительной власти рискует быть пораженной коррупционными проявлениями.

В целом, государственное устройство в этой стране представляет собой систему гражданских и религиозных органов власти с ведущей ролью последних. В статье 57 Конституции устанавливается, что в Иране существуют законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, которые функционируют отдельно друг от друга на основе норм, заложенных в Конституции этой страны и под контролем правления народа и принципа веляят-э факих (فقیه‌ولایت). Лидер Исламской революции – Рухолла Хомейни – данный принцип обосновывал как власть праведного факиха (рахбара, Верховного лидера, Верховного руководителя, Духовного лидера), т.е. ученого правоведа, знатока исламских законов, над государственной жизнью.

Высшее должностное лицо Ирана имеет существенные рычаги влияния на президента. Он подтверждает компетентность претендентов на пост президента ИРИ до проведения выборов, а также подписывает указ о назначении президента на должность после окончания выборов. Также рахбарполномочен отстранить президента от власти в предусмотренных законом случаях.

Помимо иных важнейших полномочий, Верховный лидер напрямую участвует в деятельности по противодействию коррупции. Он выпускает указы, которые являются частью правовой основы, регулирующей общественные отношения в данной сфере. Так, согласно указу рахбара[2] был создан Совет по борьбе с коррупцией. Помимо утверждения о создании указанного органа, в этом нормативном правовом акте имеется ряд иных значимых положений, относящихся к сфере противодействия коррупции. В частности, Верховный лидер подчеркивает, что основными органами, осуществляющими противодействие коррупции в ИРИ являются Генеральная инспекция, Министерство информации и Счетная палата. Также рахбар обращает внимание, что СМИ хотя и публикуют значительный массив информации относительно коррупционной тематики, эта информация не должна носить пропагандистский и спекулятивный характер. Верховный лидер призывает СМИ своими действиями «не способствовать нарушению общественного спокойствия».

Нормативные правовые акты рахбара Ирана имеют важное значение для правовой системы этого государства, так как они занимают второе место после исламских норм (положения Корана и Сунны) в иерархии источников права. Поэтому анализ этих актов представляет особый практический интерес. К примеру, чтобы пресечь деятельность оппозиционных действующей власти СМИ, компетентные государственные органы вправе сослаться на вышеприведенные слова Верховного лидера. И это будет являться достаточным основанием для принятия официального решения и осуществления определенных процессуальных действий.

Нормативного правового акта, который бы более подробно регулировал деятельность Совета по борьбе с коррупцией, не имеется. Исходя из материалов о его деятельности можно заключить, что данный орган имеет совещательные и координирующие функции. Со стороны некоторых иранских ученых деятельность этого совета оценивается как неэффективная[9].

Еще одним координирующим органом в ИРИ, участвующим в противодействии коррупции, является Совет по управлению контролирующими инстанций. Согласно статье 221 «Программы развития ИРИ на следующие пять» данный орган создается с целью налаживания взаимодействия для улучшения эффективности работы контролирующих инстанций и укрепления функции управления в стране. Совет состоит из двух представителей от контролирующих инстанций каждой ветви власти[3].

Совет по управлению контролирующими инстанций выполняет следующие обязанности: разрабатывает критерии измерения административной дисциплины в органах, являющихся субъектами данного закона, и обнаруживает их; производит обобщенную оценку состояния административной дисциплины и доводит ее результаты до сведения соответствующих должностных лиц и населения ежегодно; оценивает усилия органов, являющихся субъектами данного закона, в области предотвращения и борьбы с коррупцией, выявляет сильные и слабые стороны в деятельности контролируемых органов, а также представляет им предложения по совершенствованию их деятельности.

Согласно Положению «О критериях оценки уровня административной дисциплины» в ИРИ выделяются следующие критерии в области противодействия коррупции при оценке деятельности государственных органов: соблюдение законодательства; степень внедрения автоматизированных (электронных) систем в деятельность; «прозрачность» деятельности; эффективность осуществления внутриведомственного контроля; подотчетность; соблюдение должностных требований; прохождение сотрудниками обучения и переподготовки; уровень профессионализма сотрудников; количество ресурсов, затраченных органом в ходе своей деятельности, а также эффективность их использования[8].

Указанный список критериев оценки представляется обоснованным, полным и необходимым. Действительно, анализ подобного рода сведений позволит сделать объективный вывод об эффективности работы любого органа.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «Консультант Плюс».
2. Указ рахбара Исламской Республики Иран «О создании Совета по борьбе с коррупцией» [Электронный ресурс] // URL: <https://salamatadari.ict.gov.ir/fa/ghavanin/low6> (на перс. языке).
3. Программа развития Исламской Республики Иран на следующие пять лет [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fa/ir/ir038fa.pdf> (на перс. языке).
4. Закон Исламской Республики Иран «О повышении административной дисциплины и противодействии коррупции» [Электронный ресурс] // URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/132295> (на перс. языке).
5. Закон Исламской Республики Иран «Об исламских уголовных наказаниях» [Электронный ресурс] // URL: <http://ghanoonbaz.com/anavin/Kaifary/mojazat92.htm> (на перс. языке).
6. Закон Исламской Республики Иран «О создании Министерства информации Исламской Республики» [Электронный ресурс] // URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/90795> (на перс. языке).
7. Кодекс этики и поведения государственных служащих [Электронный ресурс] // URL: http://moghararat.iut.ac.ir/sites/moghararat/files/upload_files/4_mnshwr_khlqy_w_dry_khrmndn_dwlt.pdf (на перс. языке).
8. Положение «О критериях оценки уровня административной дисциплины» [Электронный ресурс] // URL: <http://bazresi.nigc.ir/Portal/File/ShowFile.aspx?ID=a1dfbe7a-26ec-44fc-bbd0-f9379ea823e0> (дата обращения: 19.10.2017) (на перс. языке).
9. Алави М. Создание Совета по борьбе с коррупцией является неэффективным шагом [Электронный ресурс] // URL: <http://radiogoftogo.ir/NewsDetails/?m=175107&n=130858> (на перс. языке).
10. Мосадег М. Т. Борьба с коррупцией в двух главных шагах [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mashreghnews.ir/news/784848/> (на перс. языке).

МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Тепеуев М.С.

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин
Чеченского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник лаборатории
историко-этнологических исследований КНИИ им. Х.И.Ибрагимова РАН

Изучение электорального поведения молодежи обладает безусловной актуальностью, поскольку полученное знание сделает возможным прогнозирование возможных форм вступления молодых людей в политическую жизнь, и, в более широкой перспективе, предвидение будущей направленности политических процессов в России. Такие качества обыденного политического сознания, как политическая наивность, неустойчивость взглядов и оценок, подверженность иллюзиям, мифам, суевериям, присущи целым группам населения, но особенно отличает именно молодёжь.

Современное молодое поколение не безразлично к будущему России и процессам, происходящим в нашей политической системе. Многие молодые люди видят себя активными участниками этих процессов. Важно и объективное признание ими своей слабой подготовки к этому, которое следует понимать, как недоработку политических партий в среде молодежи. Так, многие студенты понимают значимость и важность активной политической позиции, но несколько недооценивают присущие ей рациональность и ответственность.

В настоящее время вопросы молодежной политики приобретают особую актуальность в связи с демографическими проблемами. Если в предыдущее десятилетие численность молодежи в Российской Федерации увеличивалась, то вплоть до 2025 года ее численность будет снижаться, причем это снижение по отношению к 2012 году будет существенным - более чем на четверть.

Следствием демографического спада 1990-х годов станет резкое снижение количества молодежи в возрасте 14-30 лет. Согласно прогнозируемым данным к 2025 году общая численность молодежи в Российской Федерации сократится с 35 млн. до 25 млн. человек.

В этой ситуации экономическая и социальная нагрузка на российскую молодежь будет только возрастать. Снижение численности молодежи ставит перед органами государственной власти вопросы о необходимости повышения качества имеющегося молодежного ресурса, минимизации социальных потерь, максимально глубокой и эффективной социализации молодых людей. Формирование гражданской ответственности и патриотизма молодежи будет способствовать решению ключевых задач развития нашего общества - обеспечения безопасности российского государства и общества, сохранения государственной независимости, преодоления мировоззренческого кризиса, возрождения уважения к государству, обществу, отечественному историческому и культурному наследию.

На первый план выходит решение следующих задач:

- правовое просвещение молодежи, устранение правового нигилизма в молодежной среде;
- повышение уровня гражданской ответственности, осознанного и ответственного социального поведения;
- повышение уровня электоральной активности в молодежной среде через повышение статуса понятия «обязанность гражданина».

Государство в лице органов власти проводит политику в отношении граждан, в том числе молодежи, которая направлена на:

- правовое просвещение и правовое информирование граждан;
- развитие правового образования и воспитание подрастающего поколения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, посредством внедрения в образовательные программы учебных курсов, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права;
- совершенствование деятельности в области оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе создание эффективной системы бесплатной юридической помощи.

В целях правового просвещения решает задачу осознанной вовлеченности и повышения электоральной активности молодежи была принята Молодежная электоральная концепция.

Молодежная электоральная концепция направлена на реализацию новых подходов и способов работы с молодыми избирателями в возрасте от 18 до 35 лет на основе аналитических данных с учетом имеющегося опыта и существующих на сегодняшний день направлений работы по повышению правовой культуры и электоральной активности молодых избирателей и форм взаимодействия организаторов выборов с общественными и молодежными организациями.

Целями реализации Молодежной электоральной концепции являются:

- повышение правовой культуры молодых избирателей;
- обеспечение активного и осознанного участия молодежи в избирательных кампаниях, кампаниях референдумов;
- повышение уровня доверия молодых граждан к российской избирательной системе, институту выборов и референдумов;
- преодоление политической апатии, формирование активной гражданской позиции;
- информирование о деятельности ЦИК России, иных избирательных комиссий, направленной на реализацию конституционных прав граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления .

Главной задачей Молодежной электоральной концепции является повышение интереса молодых российских граждан к избирательной системе и избирательному процессу в Российской Федерации.

Кроме того, реализация Молодежной электоральной концепции будет способствовать решению приоритетных задач, указанных в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан.

Значительную роль в повышении уровня электоральной активности молодёжи играет Центральная избирательная комиссия и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, которые проводят масштабную кампанию по повышению политической культуры современного молодого поколения. Одним

из главных шагов этой плодотворной работы, является принятие решения о проведении в субъектах Российской Федерации «Дня молодого избирателя» каждое третье воскресенье февраля. Данное решение было принято Постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 декабря 2007 г. № 83/666-5 «О проведении Дня молодого избирателя».

Члены Центральной избирательной комиссии активно содействуют инициативам молодежных общественных организаций. Постоянной является работа Центральной избирательной комиссии по проведению круглых столов, где затрагивается широкий спектр актуальных для российской молодежи проблем. В заседании круглых столов помимо членов Центральной избирательной комиссии принимают активное участие представители законодательной и исполнительной ветвей власти Российской Федерации и её субъектов, а также молодежные общественные организации.

Вместе с тем мероприятия, осуществляемые только силами избирательных комиссий и некоторых заинтересованных органов, недостаточно.

Разрушенная советская система управления процессом воспитания подрастающего поколения включала подготовку и вовлечение молодежи в политическую жизнь страны. Сегодня требуется создание современной комплексной системы воспитания подрастающего поколения, которая не только обеспечила бы овладение молодыми избирателями необходимыми знаниями и навыками участия в политической жизни страны, но и сформировала бы уважительное отношение к российскому праву и государству, активную гражданскую позицию.

Важное место в повышении электоральной активности молодежи занимает законодательное регулирование. Однако до сих пор федеральное законодательство недостаточно четко устанавливает цели, принципы, приоритеты, основные механизмы государственной поддержки молодежи на этапе ее социального становления и вступления в самостоятельную жизнь. Соответствующие законодательные установления (не обязательно в виде специального федерального закона) способствовали бы развитию правовой культуры молодежи, в том числе как избирателей.

К основным направлениям государственного регулирования молодежных парламентских структур можно отнести:

1) участие в разработке проектов нормативных правовых актов, в том числе по вопросам молодежной политики;

2) взаимодействие с избирательными комиссиями разного уровня. Формы организации такого сотрудничества могут быть различны, в частности, организация выборов в молодежные парламентские структуры (молодежные парламенты, советы школ, учебных заведений и т.п.) в целях повышения интереса молодого поколения к избирательным кампаниям, обеспечения преемственности поколений в вопросах гражданской активности, создания резерва кадров организаторов избирательного процесса;

3) взаимодействие с органами государственной власти субъекта Российской Федерации по вопросам финансового обеспечения молодежной политики. В ряде субъектов Российской Федерации наиболее остро стоит вопрос финансирования мероприятий в области молодежной политики;

4) организация взаимодействия молодежных организаций с законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации. Сам факт наличия молодежной парламентской структуры при органе законодательной власти отчасти решает данную задачу. Тем не менее, необходима более тесная консолидация власти и молодежной общественности. Такие мероприятия, как открытые депутатские (парламентские) слушания, проводимые законодательными (представительными) органами по инициативе молодежных парламентов, круглые столы по актуальным проблемам молодежной политики, являются эффективной площадкой для конструктивного диалога власти и общества, механизмом выработки взаимоприемлемых решений;

5) создание условий для консолидации общественного молодежного движения. В большинстве субъектов Российской Федерации общественные молодежные объединения по-прежнему остаются разобщенными. Молодежная парламентская структура создает постоянный информационный обмен между молодежными объединениями;

6) содействие становлению системы молодежного парламентаризма в муниципальных образованиях субъекта Российской Федерации. На местном уровне такие органы ближе к молодым гражданам, что позволит им стать реальным аккумулятором идей молодежи и содействовать реализации политики на муниципальном уровне.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» расширяет возможности молодых людей для участия в избирательном процессе.

Таким образом, молодые российские граждане обладают активным желанием участвовать в выборах и тем самым проявляют свою гражданскую позицию. Российская молодежь интересуется предвыборными программами политических партий, участвует в агитационных акциях общественных движений.

Одной из приоритетных задач в повышении правовой и политической культуры молодых россиян должна стать задача по увеличению активности средств массовой информации в решении данной проблемы. Необходимо использовать современные информационные технологии и средства коммуникации, эффективно внедрять их в работу по повышению политической и правовой культуры современной молодежи, а также стимулировать молодых людей к участию в выборах.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 15.02.2016 г. № 357-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
2. О Молодежной электоральной концепции: Постановление ЦИК России от 12 марта 2014 г. № 221/1429-6 (в ред. от 07.10.2015 г. № 310/1773-6) // Вестник ЦИК России. - 2014. - № 3.
3. О проведении Дня молодого избирателя: Постановление ЦИК России от 28 декабря 2007 г. № 83/666-5 (в ред. от 22.07.2015 г. № 293/1695-6) // Вестник Центризбиркома РФ. - 2008. - № 4.
4. Об информации о проведении выборов депутатов государственной Думы федерального собрания Российской Федерации шестого созыва 4 декабря 2011 года на территории Ставропольского края: Постановление избирательной комиссии Ставропольского края от 12.09.2012 г. № 63/624-5 // Консультант Плюс: комп. справ.правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 06.11.2016).
5. О проведении семинаров-совещаний 23 и 30 мая 2014 года: Постановление избирательной комиссии Ставропольского края от 30.04.2014 г. № 107/1092-5 (ред. от 27.05.2014) «» // Консультант Плюс: комп. справ.правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 06.11.2016).
6. Доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала». Доклад подготовлен специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) по заказу Федерального агентства по делам молодежи в 2013 г. (на правах рукописи) // <https://www.fadm.gov.ru>.
7. Иванихин, А.А. Реализация избирательных прав молодых граждан: к вопросу о повышении электоральной активности российской молодежи / А.А. Иванихин // В сборнике: Права человека: теория, история, практика сборник научных трудов, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики; Институт права и гуманитарного образования. Волгоград, 2014. - С. 134 - 141.

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ

Гребенник Л.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация. Автор статьи рассматривает понятия «объект авторских прав», «произведение», «контент», исследует особенности закрепления в основных международных соглашениях в сфере авторского права и российском авторском праве объектов авторских прав, высказывает собственное мнение по ряду вопросов затрагиваемой им проблематики, в том числе обосновывает необходимость легализации понятия «контент».

Ключевые слова: гражданское право, авторское право, объект авторских прав, контент, произведение.

SOME ASPECTS OF UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION OF OBJECTS OF COPYRIGHT

Grebennik L.A.

Abstract. The author of the article explores the specifics of fixing the copyright objects in the main international agreements in the field of copyright and Russian copyright, examines the notions "copyright object", "work", "content". The author expresses his own opinion on a number of issues he touches on, including the necessity of legalizing the concept of "content".

Keywords: civil law, copyright, object of copyrights, content, work.

Теоретической разработкой объектов авторских прав занимались в разное время С.С. Алексеев, О.В. Богданова, В. Веинке, П.Б. Мэггс, М.С. Николаева, А.П. Сергеев, С.А. Слободнян, Г.Ф. Шершеневич, В.Л. Энтин и другие исследователи.

Видный советский теоретик права С.С. Алексеев верно заметил, что объекты авторского права – это результаты творческой, духовной деятельности человека, получившей объективированное выражение в наличном, реально существующем произведении. Как продукт творческой деятельности автора, данный объект является основанием для определенных личных неимущественных прав. Как продукт его деятельности (затрат определенного количества качественно специфического общественно-полезного труда), указанный объект является основанием имущественных прав автора. Однако, поскольку и личные, и имущественные права автора имеют один и тот же объект, один и тот же продукт творческой деятельности, то они соединяются в единое и нераздельное (хотя и различимое в своих частях) правовое образование [1].

Развивая эти высказанные полвека назад, но по-прежнему актуальные идеи, отметим, что объект авторских прав (формулировка С.С. Алексеева «объекты авторского права», по-нашему мнению, менее удачна) как правовое образование появляется именно в связи с появлением на свет произведения, а посему определение понятия «произведение» представляется задачей первостепенной важности. Анализ законодательства, актов международного права и юридической литературы показывает, что характеристика объектов авторских прав действительно привязана к этому понятию, вместе с тем легальное определение понятия «произведение», а также исчерпывающий перечень охраняемых произведений в нашем законодательстве (см. ст. 1259 ГК РФ) отсутствуют.

В. Веинке в книге, впервые опубликованной в 1976 г., дает следующую теоретическую характеристику понятия «произведение», с которой мы не можем не согласиться: авторская работа может считаться произведением, если она является результатом творческой, духовной работы и носит печать индивидуальности автора [2].

По мнению О.В. Богдановой, закреплять в законодательстве исчерпывающий перечень произведений бессмысленно, т.к. с развитием науки, техники и технологий могут создаваться новые объекты авторских прав [3]. Правильность ее утверждения доказана самой жизнью: изменения в инструментальной основе информационных отношений мы наблюдаем ежегодно, а иногда ежемесячно. Иными словами, если содержание произведения зависит исключительно от автора, то его форма и способ

распространения зависят и от автора, и от технологий, которыми он располагает. Полагаем, разработчики международных соглашений по авторскому праву и представители профильных комитетов Государственной Думы Российской Федерации должны считаться с технологиями, включая их результаты в сферу правового регулирования.

Международные соглашения по авторскому праву по-разному определяют перечень произведений, подпадающих под охрану. Самой подробной нормой до сегодня остается статья 2 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.) (далее именуемая нами «Бернская Конвенция»). Указанная норма содержит определение понятия «литературные и художественные произведения».

К произведениям данной категории отнесена любая продукция в области литературы, науки и искусства, включая: а) письменные произведения (книги, брошюры и др.); б) лекции, обращения, проповеди и тому подобные произведения; в) драматические, музыкально-драматические произведения; г) хореографические произведения и пантомимы; д) музыкальные сочинения с текстом или без текста; е) кинематографические и аналогичные им по способу произведения; ж) рисунки, произведения живописи, архитектуры, скульптуры, гравирования и литографии; з) фотографические и аналогичные им по способу исполнения произведения; и) произведения прикладного искусства; к) иллюстрации, карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии, архитектуре или наукам. Способ и формы выражения любой из перечисленной продукции юридического значения в контексте рассматриваемой статьи не имеют, т.е. включению произведения в перечень объектов авторского права не препятствуют.

Бернская Конвенция поставила знак правового равенства между оригинальными произведениями с одной стороны и переводами, адаптациями, музыкальными аранжировками, прочими переделками литературного или художественного произведения с другой стороны, оговорившись, что при этом не должен наноситься ущерб правам автора оригинального произведения.

Конвенция не признала объектами авторского права новости и любую подобную информацию о событиях, а также закрепила возможность на национальном уровне частично изымать из-под охраны политические речи и речи, произнесенные в ходе судебных процессов, однако при этом за автором сохранено исключительное право создавать сборники своих произведений, в том числе указанных выше речей.

В статье I Всемирной конвенции об авторском праве, пересмотренной в Париже 24 июля 1971 года (далее именуется нами «Конвенция 1971 г.»), объекты авторского права описаны как «литературные, научные и художественные произведения, в том числе: произведения письменные, музыкальные, драматические и кинематографические, произведения живописи, скульптуры и гравюры». Произведения материализуются в виде экземпляров, с которыми могут совершаться действия, имеющие юридические последствия; в статье VI конвенции определяется понятие «выпуск в свет», которое складывается из двух действий: а) воспроизведение в материальной форме и б) распространение среди публики экземпляров произведения; при этом экземпляр должен характеризоваться таким свойством, как возможность зрительно воспринять произведение, например, прочесть.

Страны, подписавшие 20 декабря 1996 года Договор ВОИС по авторскому праву (далее именуется нами «Договор ВОИС»), признали глубокое влияние развития и сближения информационных и коммуникационных технологий на создание и использование литературных и художественных произведений, чем собственно и объясняется введение правила о том, что компьютерные программы, независимо от способа или формы их выражения, охраняются как литературные произведения (в смысле статьи 2 Бернской конвенции). Договор ВОИС также приравнял к объектам авторского права компиляции данных или другой информации в любой форме, представляющие собой результат интеллектуального творчества по подбору и расположению содержания, справедливо оговорившись, что такая охрана не распространяется на собственно данные / информацию и не затрагивает авторских прав на них.

Итак, раскрывая объекты авторского права, Бернская Конвенция использует понятие «литературные и художественные произведения», Конвенция 1971 г. оперирует понятием «литературные, научные и художественные произведения», Договор ВОИС в свою очередь называет новые виды произведений, не нарушая логической и терминологической целостности положений Бернской Конвенции об объектах авторских прав.

Статья 1259 ГК РФ относит к объектам авторских прав «произведения науки, литературы и искусства», а также программы для ЭВМ (приравнены к литературным произведениям); производные

произведения (переработка другого произведения); составные произведения (результат творческого труда по подбору или расположению материалов) и устанавливает их открытый перечень, при этом содержит следующие оговорки:

1) достоинства, назначение, способ и форма[4] выражения произведения не влияют на его признание объектом авторских прав;

2) объектами авторских прав признаются обнародованные и необнародованные произведения;

3) авторские права возникают, реализуются и подлежат защите без соблюдения каких-либо формальностей, однако по желанию правообладателя могут быть зарегистрированы в установленном порядке программы для ЭВМ и базы данных;

4) авторские права распространяются не только на произведение в целом, но и на его часть, название, персонажей.

Следует указать и на такой вид произведений, как служебные произведения (ст. 1295 ГК РФ), отличительной особенностью которых является то, что они создаются в пределах трудовых обязанностей автора.

Довольно широк перечень информационных объектов, которые не признаются по российскому законодательству объектами авторского права:

– идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач;

– открытия, факты;

– языки программирования;

– геологическая информация о недрах;

– официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований (законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера);

– официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы;

– государственные символы и знаки, символы и знаки муниципальных образований;

– произведения народного творчества без конкретных авторов;

– сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и т.п.).

Таким образом, влияние международных соглашений на содержание статьи 1259 ГК РФ усматривается и в используемой терминологии, и в условиях, при которых произведение, иной информационный объект признается или не признается объектом авторских прав. Так, положения указанной статьи, касающиеся программ для ЭВМ и баз данных, являются логичным развитием аналогичных правил, закрепленных в Договоре ВОИС. В то же время, отечественный законодатель проявил больше самостоятельности при определении круга информационных объектов, исключенных из объектов авторского права, а также уточнил ряд условий, при которых действует авторское право (на часть произведения и т.д.).

Весьма существенным в контексте темы настоящей статьи является правильное понимание объекта авторских прав, а именно того обстоятельства, что данный объект не является объектом права собственности, о чем весьма наглядно и доходчиво высказался еще Г.Ф. Шершеневич: «...авторское право имеет своим объектом не самую книгу, которая, как и всякая иная вещь, подлежит праву собственности. Перед моими глазами стоят шкафы с книгами: несомненно, мне принадлежит право собственности на них, как на стол, на котором я пишу, на кресло, на котором я сижу и т.п., но мне не принадлежит авторское право в отношении всех этих книг. Но вот, проходя мимо книжного магазина, я вижу свою книгу в витрине: мне принадлежит авторское право на эту книгу, но права собственности я не имею, потому что продал ее книгопродавцу»[5].

Если идти дальше, исследуя вопрос о пределах права в его взаимосвязи с объектом, то мы, разумеется, выступим против построенной на теории «естественного права» концепции, согласно которой все, что ни создано человеком, в том числе любые идеи, является его собственностью. Разумно использовать термин «собственность» только в отношении права на произведение, то есть права, которым можно владеть, пользоваться и распоряжаться. Если распространять его на само произведение, то путь к развитию культуры и обмена знаниями будет закрыт для общества навсегда, невозможными станут ни пародия как жанр, ни критика, ни любая иная творческая переработка произведения без согласия автора или иного обладателя исключительных прав[6].

Достаточно долгое время в Интернет-сообществе для обозначения информационного содержимого сайтов, предназначенного для пользователей, используется понятие «контент», в том числе в виде таких словосочетаний, как, например, «новостной контент», «развлекательный контент», «продающий контент», «нелегальный контент», «пиратский контент». Существует у Интернет-пользователей свое понимание видов контента, предлагаются различные классификации: контент классифицируется без определенных оснований, например, статьи, интервью, рецензии, но также предлагаются классификации по основаниям, например, по уникальности – уникальный и неуникальный, по форме подачи информации – текст, видео, аудио, изображение, по доступности – бесплатный и платный. Сегодня понятие «контент» употребляется специалистами в сфере авторского права[7], в обзорах справочных правовых систем[8], однако в законодательных актах его нет, и это последнее обстоятельство, по-нашему мнению, нельзя оставлять без внимания. Думается, к объектам авторских прав можно отнести только часть контента, исключив новости, другую официальную и прочую информацию, которая по действующему законодательству не признается объектами авторского права. Таким образом, понятие «контент» нуждается в правовом закреплении, и не только потому, чтобы отделять объекты авторского права от других информационных объектов.

Новейшие исследования в сфере авторского права показывают, что Интернет-контент как явление способен изменить наши представления не только об объектах авторского права, но и о самой подотрасли, ее основополагающих положениях, системе и содержании. «Не следует забывать, что охраняемый авторским правом контент, освободившись от вещной оболочки, приобретает дополнительную коммерческую ценность в силу возможности его доставки в любую точку земного шара с минимальными издержками и дополнительными потребительскими свойствами, – пишет В.Л. Энтин. – Данное свойство обусловило глобализацию использования произведений. Оно повысило инвестиционную ценность культуры, науки, образования, бизнеса и развлечений»[9].

Таким образом, со временем растет не только число разновидностей произведений, но появляются их совершенно новые формы как, например, электронная форма, не известные основополагающим международным соглашениям в сфере авторского права, принятым в доцифровую эпоху. И законодательство ни в коем случае не должно в этом плане работать «вдогонку», по принципу пожарной бригады; оно должно своевременно учитывать происходящие в мире изменения, особенно такие глобальные, как развитие IT-технологий и Интернет.

Ссылки на источники

Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. С. 153.

² Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. Пер. с датск. / Под ред. Б.Д. Панкина. М.: Юрид. лит., 1979. С. 32–34.

³ Богданова О.В. Объекты авторских прав как предпосылка эффективности их защиты // Право и экономика. 2016. № 7. С. 28.

⁴ Форма должна быть объективной: письменная, устная (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и т.п.), изображение, звуко- / видеозапись, объемно-пространственная форма. См. п. 3 ст. 1259 ГК РФ.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. С. 34.

⁶ Подробнее об этом см.: Лессиг Л. Свободная культура / Пер. с англ. М.: Прагматика Культуры, 2007. – 272 с.

⁷ См., например, Глонина В.Н. Использование гиперссылок на контент, размещенный в сети Интернет в нарушение норм авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 9. С. 39 - 44.

⁸ КонсультантПлюс: Новое в российском законодательстве с 31 июля по 20 октября 2017 года // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

⁹ Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 5–6.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. с.

2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
3. Богданова О.В. Объекты авторских прав как предпосылка эффективности их защиты // Право и экономика. 2016. № 7. С. 27–32.
4. Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. Пер. с датск. / Под ред. Б.Д. Панкина. М.: Юрид. лит., 1979. 232 с.
5. Всемирная конвенция об авторском праве, пересмотренная в Париже 24 июля 1971 года // Международные нормативные акты ЮНЕСКО, М., 1993.
6. Глонина В.Н. Использование гиперссылок на контент, размещенный в сети Интернет в нарушение норм авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 9. С. 39–44.
7. Договор ВОИС по авторскому праву (подписан 20 декабря 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12. С. 4–11.
8. Лессиг Л. Свободная культура / Пер. с англ. М.: Прагматика Культуры, 2007. – 272 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. 313 с.
10. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ НОРМ О ПРЕКРАЩЕНИИ НОВАЦИЕЙ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА, А ТАКЖЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Колпатчикова А.Д.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск

Изменения гражданского законодательства на современном этапе развития права во многом связаны с тенденцией расширения границ применения принципа диспозитивности, что проявляется в ослаблении действия императивных норм, а в определённых случаях и их исключения. В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ в разделе, посвящённом прекращению обязательств, указано, что вопрос о введении в законодательство общего правила о возможности заключения соглашения о прекращении любого, в том числе внедоговорного, обязательства, а также о последствиях заключения сторонами такого соглашения требует своего рассмотрения. Реформирование норм о способах прекращения обязательств частично воплотило данную идею в действительность, однако подобного рода изменения вызвали двусмысленное понимание определенных статей Гражданского кодекса.

В главе 26 Гражданского кодекса РФ² законодателем изложено десять способов прекращения обязательства, в числе которых свое место занимает новация. До внесения изменений в статью, посвящённую прекращению обязательства новацией, данная статья содержала в себе три пункта. Второй пункт статьи 414 Гражданского кодекса Р.Ф. закреплял запрет на новирование обязательств по возмещению

¹ «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)// СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017)// СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и по уплате алиментов.³ Данной норме следовала и судебная практика.⁴

Сторонники данного запрета с доктринальной точки зрения, М.И. Брагинский⁵, Д.С. Ксенофонтова⁶, О.Н. Низамиева⁷ и др., отмечали, что данная норма призвана защитить слабую сторону правоотношения, потерпевшего, в случае причинения вреда, либо алиментополучателя, в случае возникновения обязательств по поводу выплаты алиментов. Особый характер данного правоотношения отмечается и в правоприменительной практике. Так, Судебной коллегией по гражданским делам Забайкальского краевого суда в определении от 06.07.2016г. по делу № 33-2957-2016⁸ указано, что императивное правило, установленное п. 2 ст. 414 ГК РФ было связано с охранительным характером указанных обязательств, прекращение которых способом, отличным от исполнения, может лишить кредитора возможности получить соответствующие платежи и алименты.

С 1 июня 2015 года в силу вступили изменения, предусмотренные Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Статья 414 Гражданского кодекса существенно преобразовалась. В актуальной редакции из статьи 414 ГК РФ полностью исключен пункт 2. Взамен существовавшей императивной нормы, появилась более лаконичная формулировка в п. 1 ст. 414 ГК РФ: «если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений».

Данное изменение гражданско-правовой нормы породило неоднозначное толкование п. 1 ст. 414 ГК РФ. Одни авторы, В.Г. Голубцов⁹, А.С. Зарубин¹⁰ посчитали, что законодатель полностью исключил запрет на новацию отдельных обязательств. Другие же придерживаются мнения, согласно которому данные обязательства по-прежнему не подлежат новации, поскольку законодатель всего лишь «перефразировал» запрет в гибкий критерий «существо отношений».¹¹ Из текста вышеназванного Определения Судебной коллегии по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 06.07.2016г. по делу № 33-2957-2016 можно сделать вывод о том, что судебная практика в настоящее время исходит из презумпции новирования

³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.12.2014)// СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

⁴ См. например: Решение Центрального районного суда г. Читы от 21.01.2016г. по делу № 2-599/2016, Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2011 по делу № А41-15368/11, в котором судом сделан следующий вывод: «в случае, когда законодатель полагает необходимым ограничить право сторон на заключение того или иного соглашения, он прямо указывает об этом в соответствующей норме закона (например, в пункте 2 статьи 414ГК РФ)», Апелляционное определение Костромского областного суда от 23.07.2012 N 33-1029, из содержания которого следует, что «новацией может быть прекращено любое гражданско-правовое обязательство, в том числе имеющее внедоговорный характер, если такая возможность прямо не исключена законодательством (пункт 2 ст. 414 ГК РФ)».

⁵ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер.-М.:Статут, 2011.С 455. (дата обращения: 16.05.2018г.)

⁶ Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015//Сайт РГБ. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005562574#?page=1> (дата обращения: 18.05.2018г.)

⁷ Низамиева О.Н. К вопросу о совершенствовании правового регулирования алиментных отношений.// В сборнике: Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования Международная научно-практическая конференция. Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»; ответственный редактор Ольга Юрьевна Ильина. 2015. С. 182-185. (дата обращения: 18.05.2018г.)

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 06.07.2016г. по делу № 33-2957-2016//URL: <http://oblsud.cht.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.05.2018г.)

⁹ Голубцов В.Г. Система способов прекращения гражданско-правовых обязательств: итоги реформирования. /Частное право. Преодолевая испытания. К 60- летию Б. М. Гонгало. -М. : Статут, 2016. С. 144 – 159.

¹⁰ Зарубин А.С. Новация в изменившейся парадигме обязательственного права Российской Федерации/ Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 219-226.

¹¹ Ксенофонтова Д.С. К вопросу о новации алиментных обязательств в свете реформирования гражданского законодательства// Правовой Центр – «Правый Берег». URL: <http://www.center-bereg.ru/b157.html> (дата обращения: 20.05.2018г.)

любых обязательств. Поэтому бремя доказывания невозможности прекратить одно обязательство другим ввиду особого существа отношений возлагается на заинтересованную в этом сторону судебного процесса. Подобное положение дел может породить формирование разнообразной судебной практики.

При причинении вреда жизни или здоровью гражданина, между потерпевшим и правонарушителем возникает особое охранительное правоотношение, целью которого является восстановление существовавшего до нарушения субъективного права потерпевшего. Анализируя нормы главы 59 Гражданского кодекса РФ¹², посвященные регулированию данных правоотношений следует, что основным способом такого восстановления права является полное возмещение причиненного вреда. Нормы, гарантирующие потерпевшему получение полного возмещения, сформулированы законодателем императивно. Сторонам предоставляется право заключать соглашение исключительно для целей увеличения размера ответственности. Следовательно, прекращение обязательства из причинения вреда жизни или здоровью гражданина должно наступать в единственном случае – в случае его исполнения. Если допустить прекращение такого обязательства иными способами, то охранительный характер таких отношений перестанет занимать главенствующее положение. Кроме того внедрение диспозитивных норм при установлении размера ответственности причинителя вреда может привести к злоупотреблениям как с его стороны, так и со стороны потерпевшего, в том числе и к дополнительным издержкам.

Так, в одном из дел, рассмотренных Вологодским городским судом Вологодской области 01.11.2016г.¹³ было установлено, что Истцу в результате ДТП по вине ответчика, был причинен вред здоровью средней тяжести. С целью избежать судебного разбирательства стороны договорились о размере компенсации морального вреда и порядке его выплаты: 10 000 руб. были переданы потерпевшему наличными до судебного заседания, на оставшуюся сумму 60 000 руб. причинителем вреда была составлена расписка, в которой он обязался вернуть указанные денежные средства в установленный срок. Исследовав обстоятельства дела и представленные доказательства, судом был сделан вывод о том, что стороны пришли к соглашению о замене обязательства, возникшего из причинения вреда здоровью в результате ДТП, заемным обязательством, условия которого были определены распиской ответчика. В результате чего между сторонами возникли отношения по договору займа на сумму 60 000 рублей. В установленный в расписке срок денежные средства потерпевшему выплачены не были, что послужило основанием для обращения в суд с иском о взыскании суммы задолженности.

Несмотря на успешный для потерпевшего исход дела, выводы, изложенные в Решении суда несколько противоречивы. Действительно ли в указанном случае имела место быть новация обязательства. В Информационном письме Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 N 103 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ» в п. 2 разъясняется, что обязательство прекращается новацией тогда, когда воля сторон определенно направлена на замену существовавшего между ними первоначального обязательства другим обязательством. Намерение же произвести новацию не предполагается. Если стороны намерены совершить новацию, то они должны это определенно выразить. Во-первых, в рассмотренной ситуации говорить о том, что первоначальное обязательство, прекращенное сторонами, являлось обязательством по возмещению вреда, не приходится. Компенсация морального вреда является самостоятельным способом защиты права, предусмотренным ст. 12 ГК РФ. Убытки, понесенные потерпевшим в результате причинения ему вреда здоровью, оценены сторонами не были. Во-вторых, в качестве доказательства по делу, суду была представлена расписка причинителя вреда об обязанности ответчика возратить истцу соответствующую денежную сумму в указанный срок. Иных существенных условий, в том числе явного указания на замену одного обязательства другим, в расписке не изложено. Таким образом, суд неверно квалифицировал отношения, возникшие между сторонами, что могло послужить основанием для отмены судебного решения в случае его обжалования в суде апелляционной инстанции. Югорский районный суд Ханты – Мансийского автономного округа практически при аналогичных обстоятельствах дела отказал потерпевшему в удовлетворении иска, ввиду того, что расписка ответчика не содержала существенных условий новации.¹⁴ Следовательно, при новации обязательств из

¹² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.04.2018)//СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

¹³ Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 01.11.2016г. по делу № 2-15450/2016//URL: <https://vologodskygor--vld.sudrf.ru> (дата обращения 19.05.2018г.)

¹⁴ Решение Югорского районного суда Ханты – Мансийского автономного округа от 11.06.2012 г.// РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

причинения вреда, потерпевший может оказаться в ситуации, при которой взыскать возмещение причиненного ущерба будет невозможно. Тем самым механизм защиты данной стороны обязательства утратит свою эффективность.

Ввиду вышеизложенного, полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является оставление запрета на новирование обязательства из причинения вреда жизни и/или здоровью гражданина и указание на возможность новации данных обязательств только при определенных условиях: 1) между сторонами должно быть заключено соглашение о возмещении вреда жизни и/или здоровью гражданина; 2) данное соглашение должно предусматривать увеличение размера ответственности правонарушителя. Как указывает Е.Р. Аминов, подобное решение проблемы представляет собой компромисс между стремлением законодателя расширить диспозитивные начала гражданского права и сохранить необходимую защищенность определенных общественных отношений.¹⁵

Алиментное обязательство является по своей сути более сложным обязательством, поскольку иной раз в данных правоотношениях задействованы интересы несовершеннолетних, либо нетрудоспособных членов семьи. Семейное законодательство исходит из обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.¹⁶

Основная проблема, сложившаяся вокруг запрета новации алиментных обязательств, заключается в том, что данный запрет вступает в некоторое противоречие с диспозитивными нормами ст. 101 Семейного Кодекса РФ. И в данном случае отношения, складывающиеся между плательщиком алиментов и алиментополучателем, можно условно разделить на два вида по основанию возникновения. Это алиментные правоотношения, возникающие по соглашению сторон, а также отношения, возникающие по решению суда.

Наличие между сторонами соглашения говорит о добровольном взаимном урегулировании алиментных обязательств. Ввиду чего прекращение такого обязательства новацией является вполне допустимым способом. При отсутствии соглашения о выплате алиментов члены семьи, указанные в статьях 80 - 99 ГК РФ сохраняют право обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов.

Именно те, алиментные обязательства, которые возникают на основании решения суда, новации подлежат не могут. Судебная практика изобилует случаями,¹⁷ когда алиментополучателю, было предложено новировать обязательства по получению алиментов, возникшее на основании решения суда, в заемное обязательство. Причинами такой новации являлись различные основания, в том числе боязнь алиментоплательщиков нести уголовную ответственность за неисполнение возложенных обязательств. Поскольку в данных ситуациях договор займа заключался на общую сумму задолженности по алиментным платежам, для алиментополучателей не имело особой разницы каким именно способом будет происходить возмещение денежной суммы. И только в дальнейшем, становилось очевидным, что исполнения вновь возникшего обязательства не последует. Судом устанавливался факт безденежности заемного обязательства, со ссылкой на отсутствие явно выраженного намерения сторон прекратить одно обязательство и заменить его новым, в результате чего в удовлетворении исковых требований о взыскании суммы задолженности по договору займа истцу было отказано.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что для более широкого использования новации как способа прекращения обязательства и эффективной защиты субъектов отношений, складывающихся из причинения вреда жизни и здоровью, либо алиментных обязательств, законодателю необходимо четко отграничить круг отношений, при которых новация обязательства была бы невозможна.

Список источников и литературы

1. Аминов Е.Р. Новация в российском гражданском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. [Электронный ресурс]. Сайт <http://lawtheses.com/>. URL:<http://lawtheses.com/novatsiya-v-rossiyskom-grazhdanskomrave#ixzz5G4x35iR7> (дата обращения: 19.05.2018г.)

¹⁵Аминов Е.Р. Новация в российском гражданском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.//URL:<http://lawtheses.com/novatsiya-v-rossiyskom-grazhdanskom-prave#ixzz5G4x35iR7> (дата обращения: 19.05.2018г.)

¹⁶ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017)//СПС «КонсультантПлюс».URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.05.2018г.)

¹⁷См. напр.:Решение Центрального районного суда г. Читы по делу № 2-599/2016 от 21.01.2016г.// РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 14.05.2018г.)

2. Апелляционное определение Костромского областного суда от 23.07.2012 N 33-1029 [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2018г.)
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер.-М.:Статут, 2011.С 455. (дата обращения: 16.05.2018г.)
4. Голубцов В.Г. Система способов прекращения гражданско-правовых обязательств: итоги реформирования. /Частное право. Преодолевая испытания. К 60- летию Б. М. Гонгало. -М. : Статут, 2016. С. 144 – 159.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс]. Документ в указанной редакции официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 14.05.2018г.)
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс]. Документ в указанной редакции официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 14.05.2018г.)
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс]. Документ в указанной редакции официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 14.05.2018г.)
8. Зарубин А.С. Новация в изменившейся парадигме обязательственного права Российской Федерации/ Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 219-226.
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобр. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 14.05.2018г.)
10. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015 [Электронный ресурс]. Сайт РГБ. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005562574#?page=1> (дата обращения: 18.05.2018г.)
11. Ксенофонтова Д.С. К вопросу о новации алиментных обязательств в свете реформирования гражданского законодательства [Электронный ресурс]. Доступ из «Правовой Центр – «Правый Берег». URL: <http://www.center-bereg.ru/b157.html> (дата обращения: 20.05.2018г.)
12. Низамиева О.Н. К вопросу о совершенствовании правового регулирования алиментных отношений.// В сборнике: Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования Международная научно-практическая конференция. Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственной университет»; ответственный редактор Ольга Юрьевна Ильина. 2015. С. 182-185. (дата обращения: 18.05.2018г.)
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 06.07.2016г. по делу № 33-2957-2016 [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из сайта Забайкальского краевого суда. (17.05.2018г.)
14. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2011 по делу № А41-15368/11 [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2018г.)
15. Решение Центрального районного суда г. Читы от 21.01.2016г. по делу № 2-599/2016 [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из сайта Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края (дата обращения: 18.05.2018г.)
16. Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 01.11.2016г. по делу № 2-15450/2016 [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из сайта Вологодского городского суда Вологодской области (дата обращения 19.05.2018г.)
17. Решение Югорского районного суда Ханты – Мансийского автономного округа от 11.06.2012 г. [Электронный ресурс]. Документ официально опубликован не был. Доступ из РосПравосудие. обращения: 14.05.2018г.)
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс]. Документ в указанной редакции официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».(дата обращения: 19.05.2018г.)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

Мамасуев Р.В.

Всероссийской государственной университет юстиции, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы об особых экономических зонах, дана классификация и приведены основные принципы функционирования свободных экономических зон, рассмотрен зарубежный опыт создания. Уделено внимание истории организации ОЭЗ в России, проанализированы основные виды ОЭЗ, рассмотрено развитие ОЭС в отдельных субъектах РФ. В настоящее время в России начата работа по созданию особых экономических зон всех основных типов, распространенных в мире: промышленно-производственных, технико-внедренческих, туристско-рекреационных. Даны основные характеристики создаваемых в России особых экономических зон.

Ключевые слова: ОЭЗ, особые экономические зоны, стратегическое планирование, законодательство ОЭЗ, инновационный ваучер.

Annotation. The article deals with questions about special economic zones, classifies and gives the main principles for the operation of free economic zones, and reviews foreign experience of creation. The attention has been paid to the history of the organization of the SEZ in Russia, the main types of SEZ have been analyzed, the development of ECO in some regions of the Russian Federation has been considered. At present, Russia has begun work on the creation of special economic zones of all the main types that are widespread in the world: industrial production, technology-innovative, tourist-recreational. The main characteristics of the special economic zones being created in Russia are given.

Key words: SEZ, special economic zones, strategic planning, SEZ legislation, innovation voucher.

Особая экономическая зона (ОЭЗ) является территорией, ограниченной субъектом Российской Федерации или городом или другой территорией, имеющим законодательно закрепленный особый правовой статус.

На этих территориях созданы условия для содействия бизнесу, налоговой, таможенной, административной и финансовой поддержке. Как предприниматели Российской Федерации, так и иностранные бизнесмены, готовые инвестировать в российскую экономику, могут осуществлять предпринимательскую деятельность.

В соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[1] особая экономическая зона является частью территории Российской Федерации, определяемой Правительством Российской Федерации и на которой может применяться специальный режим осуществления предпринимательской деятельности, а также таможенная процедура свободной таможенной зоны.

В настоящее время, учитывая последние изменения, часть 1 ст. 4 Федерального закона «О ОЭЗ» предусматривается наличие 4 видов особых экономических зон, которые уже существуют:

- 1) промышленно-производственная ОЭЗ: в Республике Татарстан, и таких областях как: Липецкая, Псковская, Свердловская, Калужская и Самарская;
- 2) техническая и инновационная ОЭЗ: в Санкт-Петербурге, Зеленоградском административном округе Москвы, в г. Дубне Московской области и городе Томске;
- 3) туристско-рекреационная ОЭЗ: в республиках Алтай и Бурятия, Алтайский край, Иркутская область;
- 4) портовая ОЭЗ: в Ульяновской области и Хабаровском крае. [2]

Активный период для формирования законодательства об особых экономических зонах начался в 1990-х годах, когда Верховный Совет РСФСР в своем решении № 106-1 «Об образовании зон свободного предпринимательства» принял предложения Ленинградского и Выборгского городских районов,

Приморского края, в том числе и Находки, Калининградского, Сахалинского и Читинского областных Советов народных депутатов об объявлении этих территорий зонами свободного предпринимательства. Совет Министров РСФСР разработал и представил в Верховный Совет РСФСР двухмесячный проект резолюции о правовом статусе зон свободных предприятий, а также алгоритм деятельности организаций и предприятий в этих территориях, инвестиционных и налоговых режимов для движения капитала и услуг, регулирования трудовых отношений, условий социальной защиты работников. Позднее Совет Министров РСФСР утвердил соответствующие положения. В таблице 1 (приложение 1) выделены свободные экономические зоны РСФСР (конец 1991 г.)

К моменту распада СССР на территории государства формально существовало 11 ОЭЗ общей площадью 1 млн. км², что составляет 7% территории с населением 18,5 млн. человек, то есть 13% населения.[3]

Особые экономические зоны, существующие в России, не являются однородными. Различия обусловлены спецификой региона и целями предоставления этого статуса. Во-первых, все ОЭЗ можно разделить на две группы: закрытые, то есть, замкнутые и интегрированные. Закрытые либо замкнутые территории изолированы и географически, острова, полуострова, в редких случаях они организованы внутри городов. Все, что производится в этих зонах, экспортируется. Интеграционные ОЭЗ имеют разные уровни взаимосвязи с экономикой своей страны и других государств.[4]

Рисунок 1 – Особые экономические зоны России.

Формирование более 50% ВВП, образуется в результате ряда стран ориентированных на МСП направленных на инновационное развития в рамках стратегического планирования. Проводя изучение мирового социально-экономического рейтинга подтверждает то, что страны, в которые входят в первую десятку, совершили довольно быстрый прорыв в направлении инновационного развития, в основном за счет стимулирования взаимодействия МСП и науки, что представлено в таблице 2. (приложение 2) Рассматривая данную таблицу видно что Россия занимает 49-е место в данном рейтинге, в то время как МСП составляет около 20% ВВП (МИП около 10%).[5]

Анализируя зарубежные исследования (CornetM., VroomenB. и т.д.)[6], а так же и ряд аналитических материалов разрешают сформулировать вывод того, что одним из эффективных инструментов увеличения инновационного спроса и стимулирования применения РИД, также роста активного взаимодействия бизнеса, в главном направлении с взаимосвязью с МСП и наукой являются инновационным ваучером. Данный инструмент в рамках стратегического плана развития предприятия формирует финансовое стимулирование приобретения внешних инновационных консалтинговых услуг, внедрения новых технологий и предназначен для улучшения инноваций посредством формирования инноваций и новых потенциалов направленных на развитие бизнеса[7].

Инновационные ваучеры рассмотренные в трудах А.В. Грибовского и С.Е. Ушаковой описываются в виде перспективного инструмента направленного на стимулирование инновационной

деятельности малых предприятий.[8] В.М. Киселевым и М.В. Яковлевой отмечена необходимость рассмотрения более обширного использования простых, доступных и быстрых инструментов, в виде инновационных ваучеров.[9] Черновой Д.В. и Малышкиной М.В. выделяются инновационные ваучеры как один из наиболее распространенных инструментов оказывающих влияние на стимулирование инноваций в развитых странах.[10]

На основе использования инновационного ваучер стратегическое планирование инновационного развития МСП дает гарантию целевого расходования средств, так как оно оплачивает конкретные исследовательские и опытно-конструкторские работы по РИД или консультационные услуги, направленные на улучшение развития бизнеса. Этот инструмент направлен на обеспечение баланса целевых расходов и свободный выбор поставщиков знаний и услуг для МСП, содействует сотрудничеству науки и бизнеса в целях удовлетворить потребности бизнеса в инновациях. Максимальное формирование инновационной деятельности можно наблюдать в тех странах, которые применяют модель инновационных ваучеров используя механизмы международного сотрудничества, к примеру - Дания, Австрия, Германия, Нидерланды и т.д.

Следовательно, вывод видится в том, что особые экономические зоны в Калининградской и Магаданской областях отличаются от других тем, что они направлены на комплексное развитие всей территории этих районов и особых экономических зон, созданных в соответствии с Законом Российской Федерации № 116-ФЗ, направленные на достижение конкретных целей.

Приложение 1

Таблица 1 - Свободные экономические зоны РСФСР (конец 1991 года)

Наименование СЭЗ	Территориальная локализация
«Находка»	В административных границах г. Находки и Партизанского района Приморского края
«Ева»	В административных границах Еврейской автономной области
«Алтай»	В административных границах Алтайского края, включая Горно Алтайскую автономную область
Ленинградская ЗСП	На территории г. Ленинграда
«Сахалин»	Территория в административных границах Сахалинской области вместе с включаемыми в нее районами континентального шельфа в экономической зоне СССР
«Кузбасс»	На территории Кемеровской области
«Садко»	На территории Новгородской области
«Выборг»	На территории Выборгского района Ленинградской области
«Янтарь»	В административных границах Калининградской области с прилегающими к ней районами континентального шельфа и экономической зоны СССР (кроме районов территории области, связанных с обеспечением обороны страны)
«Даурия»	В административных границах Читинской области
«Зеленоград»	На территории г. Зеленограда

Таблица 2 - Глобальный индекс инноваций (2014 г.)

Ранг	Страна	Баллы	Процентное соотношение
1	Швейцария	64,8	1,00
2	Великобритания	62,4	0,99
3	Швеция	62,3	0,99
4	Финляндия	60,7	0,98
5	Нидерланды	60,6	0,97
6	США	60,1	0,96
7	Сингапур	59,2	0,96
8	Дания	57,5	0,95
9	Люксембург	56,9	0,94
10	Гонконг (Китай)	56,8	0,94
49	Российская Федерация	39,1	0,66

Федеральный закон 22.07.2005 N 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" (с изм. От от 18.07.2017 [N 177-ФЗ](#)) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, N 29, ст. 4339

²Пушкин А.В. Особые экономические зоны в России. Правовое регулирование / А.В. Пушкин. - М.: Альпина Бизнес Букс (Юнайтед Пресс), 2016. – С. 265

³Курбанов А. Х., Пахомов В. И., Плотников В. А. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. - № 4. – С. 18-23.

⁴Шимко П.Д. Оптимальное управление экономическими системами / П.Д. Шимко. - М.: [не указано], 2014. – С. 549

⁵The Global Innovation Index 2014. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=data-analysis> (дата обращения: 01.06.2015).

⁶Cornet M., Vroomen B., Steeg M. Do innovation vouchers help SMEs to cross the bridge towards science? The Hague: SPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, 2006. 50 p.

⁷Поддержка инновации на уровне регионов и муниципалитетов. Руководство для государственных служащих (Великобритания). URL: <http://www.uiis.com.ua/files/Hopkinson.pdf>

⁸Грибовский А.В., Ушакова С.Е. Механизмы государственной поддержки малого инновационного бизнеса за рубежом» // Наука. Инновации. Образование. 2014. № 16. С. 205—221.

⁹Киселев В.Н., Яковлева М.В. Инновационные ваучеры — новый инструмент поддержки инновационной деятельности // Инновации. 2012. № 4 (162). С. 38—42.

⁰Чернова Д.В., Малышкина М.В. Особенности инновационных систем зарубежных стран // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 1(99). С. 136—140.

Список литературы

- 1 Федеральный закон 22.07.2005 N 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" (с изм. От от 18.07.2017 [N 177-ФЗ](#)) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, N 29, ст. 4339
- 2 Алтынов Сергей Зона особого внимания; Эксмо - М., 2015. - 704 с.
- 3 Грибовский А.В., Ушакова С.Е. Механизмы государственной поддержки малого инновационного бизнеса за рубежом» // Наука. Инновации. Образование. 2014. № 16. С. 205—221.

- 4 Киселев В.Н., Яковлева М.В. Инновационные ваучеры — новый инструмент поддержки инновационной деятельности // *Инновации*. 2012. № 4 (162). С. 38—42.
- 5 Коростелева А.М., Троценко С.Е., Попова Г.С. Практика применения зарубежного опыта развития ОЭЗ в России // *Евразийский союз молодых ученых*. 2015. № 5-2 (14). С. 343-344.
- 6 Курбанов А. Х., Пахомов В. И., Плотников В. А. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2014. - № 4. – С. 18-23.
- 7 Махмудова О.Х., Махмудова Т.Х. Свободные экономические зоны (СЭЗ) как особая форма международной экономической интеграции // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2016. № 50-2. С. 31-36.
- 8 Чернова Д.В., Малышкина М.В. Особенности инновационных систем зарубежных стран // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2013. № 1(99). С. 136—140.
- 9 Швилкин Б. Н. Зона особого назначения. Из жизни создателей атомного оружия в СССР; Ленанд–М., 2015. - 120 с.
- 10 Шимко П.Д. Оптимальное управление экономическими системами / П.Д. Шимко. - М.: [не указано], 2014. – С. 549

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Стукалова Д.Д.

РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Конституция РФ, как и Семейный Кодекс Российской Федерации гарантирует ребенку право на защиту своих прав и законных интересов. Как высказался Верховный суд Российской Федерации в пункте 14 Постановления Пленума от 26.12.2017 N 56 в соответствии с пунктом 1 статьи 80 СК РФ «родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, при этом порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно». В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке. При отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в долевым отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме».

Согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Пленума от 26.12.2017 N 56, решая вопросы об установлении размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме, судам необходимо исходить из следующего: при определении материального положения сторон следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью); при установлении семейного положения плательщика алиментов следует, в частности, выяснить, имеются ли у него другие несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние дети либо иные лица, которых он обязан по закону содержать; иными заслуживающими внимания обстоятельствами являются, например, нетрудоспособность плательщика алиментов, восстановление трудоспособности получателя алиментов. При этом, «высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным статьей 83 СК РФ обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме, а не в долевым

отношении к заработку. Вместе с тем, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы одной из сторон, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме».

Наличие у родителя постоянной работы и регулярного заработка «не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с такого лица алиментов на несовершеннолетнего ребенка в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя не позволяет сохранить ребенку прежний уровень его обеспечения и взыскание алиментов в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме будет в наибольшей степени отвечать интересам ребенка и не нарушать права указанного родителя (например, в случае, когда родитель скрывает свой действительный доход и имеет иные доходы, из которых могло быть произведено удержание алиментов)».

В силу пункта 2 статьи 83 Семейного кодекса Российской Федерации размер алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, «определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств». В силу пункта 2 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации «размер алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, в целях их индексации устанавливается судом кратным величине прожиточного минимума, определенной в соответствии с правилами пункта 1 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации, в том числе размер алиментов может быть установлен в виде доли величины прожиточного минимума».

На сегодняшний день величина прожиточного минимума для детей, установленная Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 27.11.2017 № 963 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Санкт-Петербурге за III квартал 2017 года», составляет 10401,20 рублей. При этом следует иметь в виду, что в силу положений статей 1 - 3 Федерального закона от 24 октября 1997 года N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации", а также равной обязанности родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей «установление судом алиментов, подлежащих взысканию с одного из родителей ребенка, в размере менее половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей может иметь место в случае, когда материальное и (или) семейное положение плательщика алиментов либо иные заслуживающие внимания обстоятельства объективно не позволяют произвести с него взыскание алиментов в размере половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей».

Если требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка предъявлено к обоим родителям ребенка, суд определяет размер алиментов, подлежащий взысканию с каждого из родителей. Размер алиментов, взыскиваемых с каждого из родителей в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя, определяется судом по общим правилам, установленным статьей 81 СК РФ, то есть в зависимости от количества детей, на содержание которых производится взыскание с данного родителя. При наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 83 СК РФ, «алименты с обоих родителей либо с одного из них могут быть взысканы в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме».

Актуальной является проблема определения размера алиментов на детей в случае, когда плательщик алиментов имеет неучтенный доход ("серую" зарплату) или когда его расходы явно неадекватны доходам. Как правило, представляемые в суд документы о доходах плательщика ниже их реальных размеров. В Обзоре судебной практики Президиум Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 года «названный случай вполне оправданно отнесен к основаниям взыскания алиментов с ответчика в твердой денежной сумме».

Согласно Обзору судебной практики, «при определении размера алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме или одновременно в долях и твердой денежной сумме основным критерием для суда является максимально возможное сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения. При этом суды учитывали имущественное положение семьи до момента прекращения родителями ребенка совместного проживания либо до момента прекращения одним из родителей выплаты средств на содержание ребенка в добровольном порядке (по соглашению сторон) при раздельном проживании родителей. В этих случаях за основу принимался размер выплачиваемой родителем на содержание ребенка денежной суммы».

Судами также выясняются и учитываются иные обстоятельства, как например, «посещает ли ребенок детские дошкольные или иные учреждения дополнительного развития (образования), например, занимается

музыкой, рисованием, спортом, танцами и другими занятиями, и в случае, если такие занятия требовали дополнительной оплаты, размер алиментов взыскивался с родителя в таком размере, чтобы ребенок мог сохранить прежний уровень жизни и продолжить обучение, посещение кружков, дополнительных занятий».

При рассмотрении дел суды выясняют размер заработка и (или) иного дохода родителя, проверяются наличие у него имущества, на которое может быть обращено взыскание по алиментным платежам, в частности, из Управления Росреестра запрашивались сведения о наличии у должника в собственности недвижимого имущества, из органов ГИБДД - о наличии зарегистрированных за ним транспортных средств, из налоговых органов - сведения о размере полученного дохода, а также по ходатайству истца - сведения о наличии счетов и денежных вкладов и имеющихся на них денежных средствах в кредитных учреждениях. «Наиболее часто алименты в твердой денежной сумме взыскиваются с лиц, ведущих предпринимательскую деятельность. В указанных случаях суды исходят из того, что доход носит нерегулярный, меняющийся характер, в связи с чем установить точный доход ответчика затруднительно».

Несмотря на то, что Верховным судом в Постановлении Пленума от 26.12.2017 N 56 в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства, даны четкие разъяснения относительно основных вопросов, касающихся порядка рассмотрения подобных дел, на практике у судов возникают трудности. В основном это связано с отказом ответной стороны являться в судебные заседания по рассмотрению предъявленных к ним исков о взыскании алиментов, что приводит к тому, что зачастую суды самостоятельно истребуют сведения, необходимые для принятия обоснованного решения о размере взыскиваемых алиментов.

Учитывая, что срок рассмотрения гражданских дел мировыми судьями составляет один месяц, разумеется, неявка ответчика в судебное заседание является препятствием для рассмотрения дела в установленный законом срок. Кроме того, достаточно ознакомиться со ст. 1 СК РФ, как становится ясным, что «пассивный» суд утратил возможность вмешательства в семейные дела, даже когда этого требуют интересы ребенка.

Если обобщить судебную практику по взысканию алиментов, то можно с уверенностью отметить, что «большинство дел такой категории выигрываются истцом, суд твердо стоит на защите интересов несовершеннолетних детей и иных нетрудоспособных членов семьи».

Основная проблема определения размера алиментов в твердой денежной сумме, подлежащих взысканию с ответчика, связана в первую очередь, с оценкой конкретного судьи прежнего уровня обеспечения лица, в чью пользу взыскиваются алименты, с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств, исходя из материального и семейного положения плательщика и получателя алиментов и других заслуживающих внимания интересов сторон; при определении материального положения сторон по делам данной категории суд учитывает все источники, образующие их доход. Следовательно, судам надлежит учитывать доходы сторон, в том числе, размер средней заработной платы на одного работника в конкретном городе, а также уровень жизни в городе федерального значения (если речь идет о Санкт-Петербурге и Москве).

Также судам необходимо принимать во внимание, что прожиточный минимум в субъектах Российской Федерации предназначается для оценки уровня жизни населения соответствующего субъекта Российской Федерации при разработке и реализации региональных социальных программ; оказания необходимой государственной социальной помощи малоимущим гражданам; формирования бюджетов субъектов Российской Федерации; других установленных федеральным законом целей, а не определяет уровень жизни, необходимый для детей и других социально-демографических групп и его размер, в большинстве случаев, не может в полной мере обеспечить достойную жизнь.

Большое количество граждан, имеющих алиментные обязательства, отказываются их исполнять в добровольном порядке, что порождает следующую проблему, которая возникает уже на стадии исполнительного производства, которое осуществляется Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 07.03.2018) "Об исполнительном производстве".

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант-Плюс

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Консультант-Плюс
3. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 07.03.2018) "Об исполнительном производстве" // Консультант Плюс
4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 27.11.2017 N 963 "Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Санкт-Петербурге за III квартал 2017 года"// Консультант-Плюс
5. Постановление Пленума от 26.12.2017 N 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов"// Консультант-Плюс
6. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Консультант-Плюс
7. Как подать на алименты. правила подачи искового заявления о взыскании алиментов. // [Электронный ресурс] url: <http://5898523.ru/kak-podat-na-alimenty-pravila-podachi-iskovogo-zayavleniya-o-vzyskanii-alimentov/>
8. Настольная книга мирового судьи. Макаров Ю.Я. М.: 2010
9. Определение размера алиментов на несовершеннолетних детей в судебном порядке. Тычинин С.В. //Актуальныепроблемыроссийскогоправа, 2017, N 5
10. Семейная медиация как способ профилактики преступности несовершеннолетних. Стукалова Д.Д. // Семейная медиация в ювенальной политике Сборник статей международной научно-практической конференции. ГОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена; ответственный редактор: В.Ю. Сморгунова. 2014.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НЕДВИЖИМОСТИ

Четверикова К.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: данная статья посвящена вопросам исследования юридических признаков объектов недвижимого имущества, учитывая различные подходы к их определению.

Summary: this article is devoted to the study of legal features of real estate, taking into account different approaches to their definition.

Ключевые слова: объекты недвижимого имущества, государственная регистрация прав, категории недвижимости, разрешительная документация.

Keywords: objects of real estate, state registration of rights, categories of real estate, permits.

Правоотношения, связанные с объектами недвижимого имущества, их оборотоспособностью, возникновением, изменением и прекращением права собственности на них в настоящее время по-прежнему остаются под пристальным вниманием теоретиков в области гражданского права и юристов - практиков, применяющих нормы действующего законодательства. Вместе с этим юридическая квалификация объектов недвижимости сталкивается порой с неразрешимыми проблемами.

Становление и развитие рынка объектов недвижимого имущества как специфической сферы рыночных отношений выступает одним из базисных векторов создания в Российской Федерации экономической системы, основывающейся на преобладании частной собственности и рыночных механизмах саморегулирования, функционирования и формирования экономики. Наряду с функционированием рынка недвижимого имущества вырабатывается особое направление профессиональной, предпринимательской и хозяйствующей деятельности — бизнес в сфере сделок с недвижимостью.

Вопрос об определении признаков недвижимых вещей весьма широко обсуждается в научной литературе. Проведя анализ имеющихся подходов, можно сделать заключение о том, что большая часть авторов выделяет критерии недвижимого имущества, регламентированные статьей 130 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако существуют и другие подходы авторов к определению признаков недвижимого имущества.

В настоящее время юридическая практика в России устанавливает ряд признаков, по которым физический объект можно отнести к недвижимому имуществу:

- прочная конструктивная связь с земельным участком (невозможно перемещать объект без причинения ущерба его целевому назначению) [2;15];
- возможность объекта недвижимости существовать физически обособленно (наличие у объекта недвижимости четко установленных границ);
- осуществление государственной регистрации в Управлении федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии;
- создание объекта недвижимого имущества в порядке, установленном действующим закон, соблюдая градостроительные и иные нормы и правила;
- объект недвижимости можно отнести к одной из следующих категорий: земельный участок, машино–место, здание, сооружение, помещение, объект незавершенного строительства.

Признак прочной конструктивной связи с земельным участком в доктрине понимают в двух направлениях: физическая связь объекта недвижимости с землей и его юридическая связь. Е.В. Васьковский, Ю.С. Гамбаров, К.П. Победоносцев рассматривали критерий физической связи объекта с землей. Недвижимые вещи – это объекты, по природе состоящие в «механической или органической связи с землей, так что, при потере этой связи, они теряют свое первоначальное состояние».

Абрамов В.В. в своих работах устанавливает следующие признаки определения возможности перемещения объекта недвижимости без несоразмерного ущерба для его назначения: функциональное назначение вещи; характер связи с земельным участком (наличие инженерных коммуникаций, фундамента) [1;83].

Дискуссия о том, является ли конкретный объект недвижимым имуществом, должна проходить с учетом назначения имущества, а также обстоятельств, связанных с его возведением. При решении проблемы об отнесении асфальтированных и бетонных площадок к объектам недвижимости следует более точно изучить детали, связанные с природой и назначением такого объекта, учитывая все имеющиеся доказательства, установить, необходимо ли получение разрешительной документации на строительство таких объектов, а также обращая внимание на их технические характеристики и цели их создания.

При создании объекта недвижимого имущества необходимо соблюсти нормы действующего законодательства, а именно градостроительные и строительные нормы и правила, получить все необходимые разрешения на возведение такого объекта. Поддержку данной позиции можно получить и в судебной практике. Стандартная формулировка, используемая с определенными вариациями в мотивировочной части решений судов, обычно определяется следующим образом: «Для признания недвижимого имущества как объекта гражданских прав необходимо подтверждение того, что данный объект был создан именно как недвижимость в установленном законом и иными правовыми актами порядке с получением необходимой разрешительной документации и с соблюдением градостроительных норм и правил. Понятие «недвижимость» является правовой категорией, поэтому признание объекта недвижимым имуществом невозможно только на том основании, что оно прочно связано с землей и на такой объект оформлен технический паспорт».

Следующим критерием, выделяемым авторами в качестве признака недвижимого имущества является государственная регистрация права собственности. Пункт 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в органе регистрации прав. Статья 219 Гражданского кодекса гласит, что право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации.

Проводя анализ данных статей, отмечаем, что с государственной регистрацией гражданское законодательство связывает не создание конкретного объекта недвижимого имущества, а только лишь возникновение права на него.

В юридической практике большое количество судебных разбирательств связывается с квалификацией асфальтированных площадок в качестве недвижимого имущества. Зачастую субъекты гражданского права учитывают их в качестве отдельных объектов основных средств при организации парковочных мест или размещении на них зданий, производственных сооружений (ангаров, складов).

Определение сущности недвижимого имущества только с материально-вещественной стороны не может исчерпывать всей совокупности признаков, которые ему присущи [2;16].

Таким образом, при идентификации недвижимого имущества недостаточно полагаться исключительно на классические признаки, указанные в статье 131 Гражданского кодекса Российской Федерации. Важность такого подхода обуславливается тем, что от того, к какой категории вещей относится объект недвижимости, как объект гражданских прав, зависит его правовой режим, требования к гражданскому обороту, а также способы защиты прав, которые в той или иной ситуации может применить титульный владелец такой вещи [3;84].

Список литературы

1. Абрамов В.В. Понятие и признаки недвижимости повышенного риска как объекта гражданского права // Бизнес, Менеджмент и Право. 2013. № 1.
2. Касьяненко Т.Г., Г.А., Маховикова, В.Е. Есипов, С.К. Мирзаянов, Оценка недвижимости, Кнорус, Москва, 2018г.
3. Мотлохова Е.А., Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 3.

References

1. Abramov V. V. the Concept and features of real estate high-risk as an object of civil rights // Business, Management and law. 2013. No. 1.
2. Kasyanenko T. G., G. A. Makhovikov, V. E. Esipov, S. K. Mirzajanov, real estate Valuation, KnoRus, Moscow, 2018.
3. Matlakhova E. A., Bulletin of the Khabarovsk state University of Economics and law. 2016. No. 3.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АКУШЕРСТВА

Бабина А.А.

магистр юриспруденции, выпускница юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

В статье анализируются актуальные проблемы расследования ятрогенных преступлений в сфере акушерства, связанные с личностными особенностями врача, пациента и медицинской среды

***Ключевые слова:** ятрогенные преступления, медицинская помощь, преступления медицинских работников против жизни и здоровья*

Ятрогенными называются преступления против жизни или здоровья человека, совершаемые медиками вследствие ненадлежащего оказания или неоказания медицинской помощи гражданам [3, с.179].

Право на здоровье и на оказание медицинской помощи гарантируется Конституцией Российской Федерации. Стратегическая демографическая политика Российской Федерации в настоящий момент направлена на увеличение рождаемости и продолжительности жизни граждан, а также на улучшение репродуктивного здоровья женщин и здоровья новорождённых детей. Однако число ятрогений в области акушерства и гинекологии не снижается, а наоборот растёт с каждым годом. Расследование преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении, представляет большую сложность, обусловленную не только необходимостью тщательного исследования и комплексного анализа процессов родоразрешения и родовспоможения, но и личностными особенностями участников процесса.

Обратим внимание на некоторые актуальные проблемы, связанные с личностью субъекта, жертвы и эксперта.

Субъектом ятрогенного преступления всегда является медицинский работник. В процессе расследования подлежит изучению его квалификация (образование, аттестация), специализация, профессиональная категория и опыт работы. Однако если такую информацию легко получить путём выемки документов в отделе кадров медицинского учреждения, то другие сведения – характеристику личности субъекта – можно собрать исключительно путём допроса коллег, пациентов и окружения. Исследование личных качеств и особенностей характера субъекта - дисциплинированности, внимательности, склонности к эмпатии, культуры работы с пациентом, а также сведения о вредных привычках и зависимостях (к сожалению, чрезмерное потребление алкоголя широко распространено в медицинской среде) – отнюдь не бесполезно. Все эти аспекты помогают анализировать поведение врача и установить причины случившегося.

Другое «действующее лицо» преступления – это жертва, в данном случае пациент, человек, обратившийся за медицинской помощью, который почти всегда принимает активное участие во врачебном процессе, поэтому его физиологические и психологические особенности также играют ключевую роль в расследовании. Прежде всего необходимо обратить внимание на принадлежность пациента к так называемым *группам риска* – группам пациентов, более склонных к проявлению ятрогений. Группы риска формируются по признакам пола, возраста, хроническим и сопутствующим заболеваниям, непереносимостям, генетическим предрасположенностям, профессиям и вредным привычкам. Акушеры традиционно обращают внимание на возраст роженицы (менее 16 и более 35), количество родов, «невынашивание» (выкидыши в анамнезе), конфликты по группе крови и резусу, недостаточный и излишний вес, токсикоз и гестоз, а также – самое важное – наличие генитальных (связанных с репродуктивной системой) и экстрагенитальных (связанных с другими системами организма) заболеваний.

Ключевую роль в процессе благополучного родоразрешения играет преемственность – тесная связь между медицинскими учреждениями амбулаторного типа (женскими консультациями) и учреждениями, где женщинам непосредственно оказывается родовспоможение (родильные дома). Медицинская карта, которая ведётся в женской консультации (так называемая «обменная»), выдаётся беременной женщине на руки с указанием постоянно иметь её при себе на случай начала родов. Если происходит экстренная госпитализация или пациентка находится без сознания, карта часто не попадает в стационар, и врач, осуществляющий родовспоможение, не получает полного анамнеза.

В ходе расследования необходимо установить критерии групп риска, к которым возможно принадлежит пациент. Изучению и анализу подлежат не только документы из учреждения, где произошли роды, но и карточка из женской консультации и других медицинских учреждений, где пациентка получала медицинскую помощь. Многие экстрагенитальные заболевания (гипертония, ожирение, гипертиреоз и др.) негативно влияют на развитие плода и процесс родоразрешения.

Помимо анамнеза, необходимо обратить внимание на быт, профессию, привычки и поведение пациентки. Согласно проводимым исследованиям, значительная часть женщин не придает значения регулярному медицинскому наблюдению во время беременности (45,05%), ранней явке по беременности к акушеру-гинекологу (42,08%), дородовой госпитализации (25,99%), необходимости явки к акушеру-гинекологу до наступления беременности (22,03%) [1, с. 30].

В последнее время в российском обществе стали популярны «новые методы»: беременность без наблюдения врача, роды на дому, роды с «духовной акушеркой» (без присутствия медицинского работника) и т.п. Логично предположить, что если до госпитализации пациентка в течение длительного времени пыталась «родить самостоятельно», то наступившие негативные последствия зависят и от её поведения

тоже.

Отдельно нужно отметить, что из всей массы неблагоприятных исходов, выразившихся в гибели плода или новорождённого ребёнка, лишь в 25,8% случаев причиной явилось ненадлежащее оказание медицинской помощи, во всех остальных – состояние здоровья матери и её поведение [2, с.10].

В процессе расследования интерес вызывают личности не только субъекта и пациента, но и личность судебно-медицинского эксперта, который даёт заключение. Оценивая заключение судебно-медицинской экспертизы, необходимо обращать внимание не только на конечный «продукт», но и на личность эксперта, его образование, специализацию, квалификацию и компетенцию. Не стоит забывать и об основаниях отвода эксперта – медицинский мир тесен, и не исключено, что субъект и эксперт связаны между собой. Но не всегда необъективность эксперта кроется в личном знакомстве с субъектом. Медицинскому сообществу свойственна корпоративность, и ложное понимание медицинской этики может подтолкнуть эксперта к даче необъективного заключения.

Впрочем, не стоит забывать и об обратной ситуации – наличии различных школ и течений внутри медицинской науки, сторонники которых могут придерживаться различных взглядов на один и тот же вопрос. Стандарты оказания медицинской помощи, к сожалению, не всегда способны урегулировать эти разногласия

Выход из сложившейся ситуации большинство исследователей видят в том, чтобы разорвать «круговую поруку», например, назначив проведение экспертизы в судебно-медицинском учреждении другого субъекта федерации. По некоторым данным, когда в Пермской области была введена такая практика, процент удовлетворённых исков по гражданским делам о причинении вреда здоровью в ходе осуществления медицинских мероприятий, повысился до 80% [4, с.85].

В некоторых ситуациях эксперты выходят за рамки поставленных вопросов и пытаются включить в состав выводов суждения, имеющие юридическое значение, например, о наличии или отсутствии вины медицинского работника, наличии причинной связи между его действиями и наступившим неблагоприятным последствием и т.д. Такие суждения высказываться экспертами не должны [5, с.211].

Кроме того, экспертам свойственно высказывать мнение о наличии в действиях врача признаков крайней необходимости, обоснованного риска, «врачебной ошибки», что также выходит за рамки их компетенции.

Таким образом, если следствие не учитывает «человеческий фактор» при расследовании ятрогенного преступления, оно может столкнуться с непредвиденными трудностями и допустить ошибки.

Список литературы

- 1 Васильева Т.П., Песикин О.Н., Халецкий И.Г., Васильев М.Д., Борзова Н.Ю., Краснова В.П., Шевелева А.А. Гностическая готовность пациента и медицинского работника как составная часть системы обеспечения профилактики акушерской и перинатальной патологии // Медицинский альманах «Организация здравоохранения и общественное здоровье». - 2009. - №4 (9) – С. 30-32
- 2 Лузанова И.М. Ненадлежащее оказание помощи в акушерской практике (медико-правовые аспекты проблемы): автореф. на соиск. канд. мед.наук. — Москва, 2007. – С.10
- 3 Пристансков В.Д. Проблемы выявления неосторожных преступлений в медицине. // Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях. Международная научно-практическая конференция 5-6 июля 1996 г.: Тезисы выступлений. СПб.,1995. С.179-180
- 4 Сучков А.В. Проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании профессиональных преступлений, совершённых медицинскими работниками // Вятский медицинский вестник. 2009. №2-4. С. 85
- 5 Тихомиров А.В. Медицинское право: Практ. пособие. М., 1998. – С.211

КАССАЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Власов Д.Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ), в соответствии с которыми с 1 января 2013 г. была введена гл. 47.1 «Производство в суде кассационной инстанции, устанавливающая новый порядок проверки судебных решений, вступивших в законную силу, основная цель которых заключается в проверке вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда [1].

Кассационное судопроизводство по уголовным делам – самостоятельная стадия российского уголовного процесса, в которой по жалобам сторон или представлению прокурора пересматриваются судебные решения, вступившее в законную силу.

Согласно ч.1 ст. 401 УПК РФ вступившее в законную силу судебное решение в течении одного года может быть обжаловано в суд кассационной инстанцией осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, частным обвинителем, их законными представителями и представителями, а так же иными лицами в той части, в которой обжалуемое решение затрагивает их права и законные интересы.

Гражданский истец, гражданский ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска.

Генеральный прокурор РФ и его заместители вправе обратиться с кассационным представлением в любой суд кассационной инстанции.

Заслуживающим внимания представляется мнение процессуалиста Т.С. Османова, согласно которому среди участников процесса, могущих обжаловать судебные решения, вступившие в законную силу в соответствии с гл. 47.1 УПК РФ, нет подозреваемого, обвиняемого, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, лица, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, что не согласуется с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ и рядом решений Конституционного Суда РФ [8].

В ст. 401.3 УПК РФ приводится исчерпывающий перечень судов кассационной инстанции. Кассационная жалоба, представление подаются на:

1 приговор и постановление мирового судьи, приговор, определение и постановление районного суда, апелляционные постановления и определения, а также промежуточные судебные решения верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, вынесенные ими в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, - соответственно в президиум верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа;

2 судебные решения, указанные в п. 1 настоящей статьей, если они обжаловались в кассационном порядке в президиум верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа; приговор или иное итоговое судебное решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, если указанные судебные решения не были предметом рассмотрения Верховного Суда РФ в апелляционном порядке; постановления президиума верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа - в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ;

3 приговор, определение и постановление гарнизонного военного суда, апелляционные постановления и определения окружного (флотского) военного суда - в президиум окружного (флотского) военного суда;

4 промежуточные судебные решения окружного (флотского) военного суда, вынесенные им в ходе производства по уголовному делу в качестве суда первой инстанции, - в президиум окружного (флотского) военного суда;

5 судебные решения, указанные в п.3 настоящей статьи, если они обжаловались в кассационном порядке в президиум окружного (флотского) военного суда; приговор или иное итоговое судебное решение

окружного (флотского) военного суда, если они не были предметом рассмотрения Верховного Суда РФ в апелляционном порядке; постановление президиума окружного (флотского) военного суда – в Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ [4].

Впервые устанавливается срок пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу уголовном судопроизводстве. В соответствии с ч.3 ст. 401.2 УПК РФ судебные решения могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течении одного года со дня вступления его в законную силу.

Статьей 401.6 УПК РФ установлен поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в суде кассационной инстанции, в соответствии с которой пересмотр в кассационном порядке приговора, определения суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

В соответствии с п.1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке служат существенные нарушения уголовного (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, т.е. нарушения, без устранения которых невозможно восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан [5].

Закрепление в законе положения об обязательности указаний судов кассационной инстанции при отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение свидетельствует о дальнейшем укреплении судебного надзора, повышении роли вышестоящих судов по отношению к нижестоящим.

Устанавливаются различные пределы обязательности указаний, закон тем самым усиливает гарантии процессуальной самостоятельности судов первой инстанции.

Список литературы

1. Берестнев Ю.Ю., Виноградов М.В. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности // Российская юстиция. - 2006. - №11. - С. 64-68.
2. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. - 2014. - № 4. - С. 33-45.
- 3.Ковтун Н.Н. Понятие реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. - 2015. - № 4 (5). - С. 121- 130. 54
- 4.Ковтун Н.Н., Зорин А.А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник ВолГУ. - Сер. 5, Юриспруденция. - 2015. - №3 (28). - С. 145-149.
- 5.Липкина Н.Н. Толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека и верховенство права // Журнал российского права. - 2015. - №4. - С. 130-142.
- 6.Мусин В.А. Принцип правовой определенности на современном этапе судебной реформы // Арбитражные споры. - 2015. - № 2. - С. 88-91. 7.Михеенкова М.А. Актуальные проблемы пересмотра судебных постановлений по уголовным делам по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в свете расширения круга его оснований // Закон. 2015. - N 11. - С. 148-156.
8. Османов Т.С. Производство в суде кассационной инстанции по уголовным делам в соответствии с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Российский судья. - 2013. - №11. - С. 76-83.
- 9.Рехтина И.В. Правовая определенность (res judicata) в истории права Древнего Рима // История государства и права. - 2011. - № 22. - С. 43-47.
10. Терехов В.В. Понятие и содержание категории в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. - №5. - С. 203-209.

НЕОДНОКРАТНОСТЬ ВЫНЕСЕНИЯ НЕЗАКОННЫХ, НЕОБОСНОВАННЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Иванов Д.Г.

Байкальский государственный университет

Установление эффективного механизма организации работы правоохранительных органов на этапе приема и рассмотрения сообщения о преступлении является одной из важнейших задач государства, так как именно по результатам рассмотрения сообщения о преступлении государственные служащие правоохранительных органов принимают решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, которые напрямую касаются прав граждан.

В настоящее время в правоприменительной практике существует негативная тенденция принятия государственными служащими органов расследования необоснованных, незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения о преступлении по подследственности. Указанные решения принимаются в целях искусственного продления сроков проведения проверки сообщения о преступлении, установленных частями 1, 3 статьи 144 УПК РФ, путем принятия «промежуточных» решений, не разрешающих поставленные перед следователем, дознавателем вопросы по существу.

Так, в соответствии с вышеуказанной нормой, государственные служащие органов расследования обязаны проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. По мотивированному ходатайству следователя, дознавателя руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении до 10 суток. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Таким образом, установленный частью 3 статьи 144 УПК РФ максимальный 30-суточный срок проверки сообщения о преступлении является пресекательным, то есть по его истечении должно быть принято одно из решений, предусмотренных частью 1 статьи 145 УПК РФ.

В соответствии с принципами уголовно-процессуального законодательства это решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Таким образом, в связи с установленной обязанностью следователя, дознавателя по истечении 30-суточного срока вынести одно из решений, предусмотренных частью 1 статьи 145 УПК РФ, и нехватки времени для проведения проверочных действий, установленных частью 1 статьи 144 УПК РФ, возникает такая проблема, как вынесение необоснованного, противоречащего уголовно-процессуальному законодательству решения. Чаще всего это вынесение такого процессуального документа, как постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

В юридической литературе отмечается, что распространенный характер носит порочная практика принятия органами расследования решений об отказе в возбуждении уголовного дела по надуманным, реально не существующим основаниям [4]. Прокурор, получив такое постановление и материалы доследственной проверки, имеет право в течение 5 суток в порядке обеспечения надзора за органами расследования отменить решение и вернуть его следователю, дознавателю. При этом, в соответствии с частью 6 статьи 148 УПК РФ в случае отмены решения дознавателя, прокурор направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения.

Признав же решение об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное следователем незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Руководитель следственного органа отменяет незаконное решение и чаще всего направляет материалы доследственной проверки для дополнительной проверки со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения.

В связи с вышеизложенным, в правоприменительной практике нередко возникает ситуация, выраженная в неоднократности вынесения необоснованных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении [2]. Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, в какой срок должна быть осуществлена дополнительная проверка сообщения о преступлении, после отмены незаконного, необоснованного решения, в связи с чем, нередко повторяется ситуация применения максимального 30-суточного срока, установленного частью 3 статьи 144 УПК РФ. Кроме того, не установлено количество допустимых отмен. Связывается это с технической неточностью законодателя, либо допущению законодателем применения аналогии в уголовном процессе.

В литературе обоснованно отмечено, что около 40% процессуальных решений следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела ежегодно отменяются, в том числе и неоднократно, как незаконные. При этом нарушаются конституционные права граждан – участников досудебного уголовного судопроизводства [1].

По мнению ряда авторов, решить проблему неоднократности вынесения необоснованных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении можно путем закрепления в УПК РФ возможности проведения проверки сообщения о преступлении в разумный срок. При этом оптимальный период принятия решения должен определяться для каждого конкретного сообщения о преступлении. Он должен зависеть от того, выполнение какого набора проверочных действий, указанных в части 1 статьи 144 УПК РФ, было бы в определенной ситуации разумно достаточным для установления наличия или отсутствия основания и повода к возбуждению уголовного дела. То есть, предлагается дополнить статью 144 УПК РФ нормой, предписывающей в рамках уже установленных сроков, ограничить время проверки сообщения о преступлении периодом, минимально необходимым для совершения достаточных, с точки зрения разумности, действий по установлению и проверке наличия либо отсутствия основания и повода к возбуждению уголовного дела. [3]

Другими авторами предлагается рассмотреть возможность наделения прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела в связи с отменой им незаконного, необоснованного постановления следователя. При этом наделение прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела в связи с отменой незаконного, необоснованного постановления следователя необходимо расценивать не как совмещение функций надзора и следствия, а как действенное процессуальное полномочие, выступающее, с одной стороны, способом реально устранить допущенные нарушения, а с другой – превентивной мерой повышения ответственности следователя и руководителя следственного органа.

Кроме того, в связи с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве конкретной нормы, регламентирующей сроки проведения дополнительной проверки при отмене незаконных, необоснованных решений следователя, дознавателя, авторами предлагается установление конкретных сроков проведения дополнительной проверки по отменным решениям, а также установление возможного количества отмен решений следователя, дознавателя при рассмотрении сообщения о преступлении.

Указанное решение послужит дополнительной гарантией защиты прав участников процессуальной проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, неоднократность вынесения незаконных, необоснованных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и для заявителя, и для лица, в отношении которого было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, является ограничением, а иногда и нарушением их прав. В связи с этим в настоящее время в Российской Федерации назрела необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство, касающихся установления срока проведения дополнительных проверок по сообщению о преступлении, а также установления возможного количества отмен решений следователя, дознавателя при рассмотрении сообщения о преступлении.

Список литературы

1. Исмаилов Ч. М. Оптимизация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы Российского права. – 2016. – № 3. – С. 168-174.
2. Корнакова С. В. Законодательное регулирование порядка отмены постановления следователя о возбуждении уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 147-148.
3. Стуконог И. В. Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ

Исангулова А.Х.

Оренбургский государственный университет

Испокон веков мошенничество считается одним из наиболее известных правонарушений в большинстве государств на земле. Российская федерация в данном взаимоотношении не считается исключением, принимая во внимание то обстоятельство, что мошенничество выделяется возможностью стремительно менять формы проявления и просачиваться почти во все без исключения области социального существования. По этой причине для мошенничества свойственно, то что оно охватывает не только отношения собственности, но и в полном объеме финансовую область. Наиболее уязвимой перед мошенничеством оказалась кредитно-банковская система, которых являются одну из основных областей экономики. Отметим, то что аферы, производимые в данной области, различаются существенным многообразием, особенной изощренностью и высокоинтеллектуальным нравом.

Вплоть до последнего момента особый мониторинг кредитно-банковской преступности в нашем государстве не осуществлялся. Для отображения преступной деятельности в финансовой сфере обычно применялись обобщающие определения «кредитная противозаконность», «противозаконность в кредитно-экономической области», «преступность в области предпринимательства», которые связывают значительно отличающиеся между собою разновидности правонарушений. Под кредитно-банковскими отношениями, как объектом преступных посягательств следует понимать - регулируемые нормами гражданского и банковского законодательства общественные отношения, возникающие между банком и заемщиком по поводу предоставления, получения, распределения, использования, возврата и погашения денежных сумм (кредитов), а также добросовестного выполнения контрагентами своих обязанностей по кредитно-банковскому договору [2,С,15]. Анализ теоретических положений, нормативного материала и правоприменительной практики показывает, что под преступлениями в сфере кредитно-банковской деятельности следует понимать общественно опасные деяния, совершаемые путем обмана, предоставления заведомо ложных сведений либо уклонения от исполнения возложенных законом обязанностей, нарушающие законный порядок предоставления, получения, распределения, использования, возврата и погашения кредитов, выраженных в денежной форме. К числу преступлений, посягающих на кредитно-банковские отношения, из всей системы гл. 22 УК следует отнести группу деяний, предусмотренных ст. 173, 176, 177 УК РФ, которые непосредственно посягают на установленный порядок банковского кредитования. Такое выделение осуществляется по предмету преступления - банковскому кредиту, выраженному в денежной форме.

Формы проявления мошенничества менялись в соответствии с модернизацией общественности, возникновение новейших форм экономического обеспечения предпринимательской работы всколыхнуло появление наравне с классическими методами совершения правонарушений и нестандартных способов противозаконного вмешательства в область работы банковских институтов. В частности, в структуре преступных действий доминирующую роль начали захватывать непосредственно мошеннические операции по завладению вещественными ценностями и денежными средствами разных кредитно-экономических учреждений. Мгновенное усовершенствование этого раздела экономики, объясненная возникновением электронных концепций взаиморасчетов, побудила к появлению множеств новейших форм мошенничества, которые требуют соответственной правовой, уголовно-правовой оценки.

За последнее время в банковском секторе приобрели популярность формы мошенничества, связанные с применением телеграфных авизо, пластиковых платежных средств, электронной подписи, электронных ценных бумаг.

Ещё один из наиболее известных типов мошенничества была кража денежных средств вкладчиков и трейдеров, приобретенных под заверение (утверждение обязанностей) выплаты значительных процентов, дивидендов или исполнения других обязанностей. Данные правонарушения происходили согласно принципу так именуемой экономической пирамиды, сущность которой состоит в исполнении обязательств в первоначальный период за результат расширяющихся поступлений с новых вкладчиков либо

инвесторов и обмане конечных [3.С,5]. При получении значимых денежных средств мошенники неожиданно заканчивают любые выплаты и присваивают собранные в данный период финансы и другие ресурсы.

На сегодняшний день особо известным правонарушением в банковской области считается мошенничество в области кредитования в виде хищения денежных средств посредством получения разных кредитов с применением поддельной учредительской либо бухгалтерской документации, фиктивного бизнес-проекта, гарантийных посланий, ипотечных и страховых бумаг. Представлением сведений поддельных бумаг мошенник подтверждает свое намерение возратить ссуда банку.

Для производства фальшивых гарантийных писем применяются следующие способы: хищение бумаг компаний с оттисками печатей; применение украденных или утерянных печатей; осуществление посредством соучастников отпечатков данной печати в поддельное поручительное письмо в то же время с имитацией подписей управляющих компании; применение смонтированных ксерокопий бланков бумаг, оттисков печатей и подписей управляющих лиц; применение поддельных писем, подтвержденных оттисками печатей с прежними наименованиями, реквизитами банков либо их отделений.

Злоупотребления при использовании задатка в качестве обеспечения кредита могут проявляться в соответствующих деяниях: предоставление в качестве залога неполноценной собственности, реальная цена которой не отвечает заявленной; предоставление в качестве задатка собственности, не являющаяся имуществом получателя кредита; предоставление в качестве залога собственности, которая не может быть взыскана, а так же многократный залог одной и той же вещи.

Мошенничество при приобретении и присвоении кредита в некоторых случаях подразумевает использование принципа пирамиды - правонарушители реализовывают закрытие прежде приобретенного и использованного не по назначению кредита и каждого следующего за счет новых кредитов («кредитная пирамида»). При этой методе присваивание чужих денег равно как окончательный итог подразумевается с самого начала, однако его наступление с разницей во времени отсрочивается и переносится на любого нового кредитора. Обманные действия выражаются с самого начала и обладают развитием при получении новых кредитов. Приобретение кредита возможно сопровождаться представлением поддельных банковских, страховых либо других гарантий. При получении 3 и дальнейших кредитов мошенники имеют все шансы показать в лучшем свете свою кредитной историей, т. е. чистым осуществлением собственных долговых обязанностей [1.С,26].

К данной группе принадлежит и мошенничество в области потребительского кредитования. Подавляющее большинство коммерческих банков на сегодняшний день выдает предложение, как потребительский кредит. Такого рода кредит выделяется на покупку товаров (кухонная плита, микроволновка и т. п.) и не запрашивает предоставления залога, данных о заработной плате, заключения контрактов поручительства с третьими личностями. При этом потребительский кредит формируется и предоставляется на протяжении пары минут, но при этом безопасность банка лишается возможности проконтролировать репутацию должника. Неблагоприятные результаты подобных правонарушений состоят не только в том, что кредиторы имеют риск потери, однако и в этом, что, стремясь сократить их величину, банки первоначально предоставляют риски невозвращения денежных средств в процентную ставку по кредиту, который приводит к внезапному повышению сумм выплат по кредиту для честных заемщиков. Другими словами, к сожалению, банки стараются переложить потери с деяний нерадивых заемщиков на плечи других людей.

Относительно новым методом мошенничества считается присваивание кредитных средств, приобретенных в системе ипотеки, когда закладываемая недвижимая собственность (жилплощадь) заведомо для получателя кредита - залогодателя не может быть обращена в ликвидацию по задолженности. Еще одним из видов банковского мошенничества считаются правонарушения, связанные с применением посторонних либо фальшивых пластиковых кредитных банковских карт, в настоящее время именуемый фишингом. Противозаконное присвоение собственности при помощи пластиковых карт является относительно новым для России методом мошенничества по причине того что сами пластиковые карты и их инфраструктура возникли у нас относительно недавно. Правонарушения, связанные с кредитными карточками, допускается поделить на 3 категории: противозаконное применение подлинных кредитных карточек; жульническое применение платежных квитанций; применение фальшивых кредитных карточек [5.С,37].

Одна из альтернатив подобного жульничества подразумевает, что преступники мошенническим методом выясняют ПИН-код собственника банковской карточки с помощью рассылки посланий с просьбой

сказать данный код либо под типом реализации той или иной продукции через Сеть интернет. Уже после этого средства со счетов покупателей снимаются посредством всемирной сети.

Подытожив все выше сказанное, можно прийти к выводу о том, что банковское жульничество в нынешней Российской Федерации, как сравнительно отделенный тип преступности, характеризуется:

- 1) объективными показателями криминального профессионализма;
- 2) интенсивным применением при хищении кредитных и бюджетных средств;
- 3) существенной распространенностью созданных форм, в рамках которых используются коллегиальные методы принятия решений о совершении жульнических операций;
- 4) применением межбанковских электронных сетей и систем;
- 5) обширным внедрением лжепредприятий (а так же лжебанков) с целью укрытия мошеннической деятельности.

Проблема борьбы с мошенничеством в России на современном этапе определяется не только ускоренным обновлением типичных форм мошенничества, но и чрезвычайно быстрым ростом его общественной опасности. Использование новых информационных технологий позволяет в течение нескольких минут путем обмана похитить имущество сотен тысяч физических и юридических лиц на миллиарды рублей. Поэтому мошенничество в кредитно-банковской сфере не только посягает на экономические отношения, обеспечивающие нормальное функционирование финансово-кредитной системы государства, но и зачастую оказывает негативное воздействие на все общество в целом.

Список литературы

1. Громов И. В. Способы совершения мошенничества в финансово-кредитной сфере // Российский следователь. 2016. № 15. С. 26-27.
2. Ильин И. В. Криминологическая характеристика экономического мошенничества, совершаемого в банковской сфере // Банковское право. 2016. № 5. С. 15-17.
3. Левшиц Д. Ю. История российского уголовного законодательства об ответственности за финансовое мошенничество // История государства и права. 2015. № 8. С. 5.
4. Лукьянов В. А., Машаров Г. С. Некоторые вопросы квалификации преступлений в кредитной сфере // Банковское право. 2015. № 6. С. 22-24.
5. Потапенко Н. С. Уголовная ответственность за подделку банковских карт // Рос.судья. 2004. № 8. С. 37-40.

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

Исангулова А.Х.

Оренбургский государственный университет

Применение вычисляемой техники в финансовых связях было постепенным, и повергло, сперва, к использованию электронных вычислительных аппаратов для оптимизации вычисленных действий, а в последующем к возникновению независимых типов расчетов с применением электронных платежных средств и систем. Электронные платежные концепции осуществляют функцию средства платежа, но никак не защищены в законном, общественном, финансовом и других планах.

В дальнейшем формирование информационных технологий прогрессировало, а технические трудности благополучно решались, однако правовые вопросы оставались нерешенными.

Подчеркнем, что "нерешенные вопросы" законодательного регулирования отношений, связанных с применением электронных платежных систем, есть в нынешнем периоде: к примеру, вплоть до этих времен отсутствует законодательное определение термина «электронное платежное средство». Недоработка законодательной регулировки оборота электронных платежных систем, применения электронных платежных систем приводит к увеличению криминализации данных взаимоотношений и увеличению определенных правонарушений.

Большая доля подобных правонарушений происходит в финансовой и кредитно-экономической областях, информационные сведения хранятся в компьютерных базах данных и обрабатываются особым программным обеспечением. Совершенствование концепций электронных платежей опережает процедуру

законного регулирования этих отношений и это повышает возможности правонарушителей остаться ненаказанными.

Сформировавшаяся практическая деятельность говорит о том, что правонарушения, свершенные с применением электронных платежных средств и систем, не характеризуются как независимый тип правонарушений; применение подобных средств и систем не считается на сегодняшний день дополнительным квалифицирующим признаком при совершении кражи, вымогательства, взяточничества, аферы и т.д., по этой причине в том числе и неоднократно возросшие суммы убытка после свершенных «последних» правонарушений не являлись предлогом к внесению модификаций в Уголовный кодекс РФ [2.С,38]. В совокупности, это предоставляет вероятность увеличивать применение электронных платежных средств и систем в криминальной деятельности, а кроме того нередко уклоняться от уголовной ответственности.

На практике должностные лица, осуществляющие расследование преступлений, свершенных с применением электронных платежных средств и систем, зачастую встречаются с трудностями не только лишь из-за недостаточного законодательного регулирования деятельность самих электронных платежных систем, однако и по причине особенности процесса расследования рассматриваемой группы правонарушений.

Таким образом, осуществление нынешнего комплексного изучения, посвященного отличительным чертам расследования преступлений, свершенных с применением электронных платежных средств и систем, а именно взяточничество считается актуальным.

Уровень распространенности коррупции и уровня её раскрытия и пресечения по-прежнему неадекватны.

Специалисты фиксируют значительную латентность коррупционных правонарушений, в главную очередность взяточничества. В структуре коррупционной преступности подобные социально опасные проявления, как организованные формы, коррупция в верховных эшелонах правительству, в особенности в значительных и особенно серьезных объемах по-прежнему не отображают настоящих масштабов действия.

Этому содействуют кроме того возникновение новейших способов маскировки, изменение объекта взятки и методов её передачи. В большинстве случаев все больше применяются удаленный доступ, офшоры, аффилированные посредством 3 лиц компании, электронные платежные концепции, взятки в варианте услуг нематериального характера, факты получения каковых обосновать значительно труднее.

Взятка - наиболее характерное, опасное и распространенное преступление, во всей гл. 30 УК РФ, т.к. является типичным проявлением коррупции. Высокая степень общественной опасности получения взятки заключается еще и в том, что это преступление подрывает основы государственной власти и управления, дискредитирует авторитет этой власти в глазах населения, значительно ущемляет законные интересы и права граждан. [1.С,57]

Взяточничество с применением электронных платежных систем и средств, связано, с передачей взяточнику не наличных средств, а реквизитов доступа к электронному бумажнику, в котором присутствуют титульные приметы, обладающие финансовый эквивалент.

Взятка посредством прямой передачи взяточнику средств либо иных ценностей имеет место быть при небольших взятках, так как в данном случае взяточника несложно поймать с поличным. Для крупных взяток применяются наиболее изощренные схемы дачи взяток:

- Средства переходят на счет аффилированной компании взяточника в качестве оплаты за любого рода услуги, при этом в последнее время в качестве такого рода аффилированной компании нередко выступает не торговая структура, а общественная предприятие либо унитарное предприятие.

- Обеспечение преференций членам семьи взяточника, к примеру, взяткодатель оплачивает образование ребенка взяточника за рубежом.

- Обеспечение сверхвыгодного договора компании, которая оформлена на аффилированное субъект взяточника.

- Взяточнику переходят не наличные средства, а просто комбинация чисел: номер обезличенного счета в зарубежном банке либо шифр допуска к кошельку электронной платежной системы, в которой присутствует доля взятки.

Сегодня, одна лишь вероятность урегулирования подобных правонарушений считается соотношением их с правонарушениями, ответственность за которые определена главой 21, 22, 28 и 30 Уголовного кодекса РФ, что мало обосновано. Проанализируем подобное соотношение более подробно.

Глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» — ст. 290 «Получение взятки» и ст. 291 «Дача взятки». Данный вид преступления даже в классической форме (передача наличных денег) является одним из наиболее сложных для расследования, а при передаче (получении) взятки через электронные платежные системы тем более.

Уголовный кодекс РФ принятие взятки определяет последующим образом: приобретение официальным лицом, иностранным официальным лицом или официальным лицом публичной интернациональной компании собственноручно либо посредством посредника взятки в виде средств, значимых бумаг, иного имущества или в виде противозаконных предложений ему услуг материального характера, предоставления других имущественных прав за осуществление операций (бездействие) в пользу взяткодателя либо представляемых им персон, в случае если подобные действия (бездействие) входят в должностные возможности официального лица или в случае если оно в силу должностного положения способно содействовать подобным поступкам (бездействию), другими словами за общее покровительство либо попустительство по службе.

Рассматриваемые противоправные действия могут быть квалифицированы по разным составам правонарушений, но, практическая деятельность демонстрирует, что в большинстве случаев данные правонарушения квалифицируются как хищение, жульничество, вымогательство, и т.д., не принимая во внимание возможности статей главы 28 УК РФ. Это значит, что на практике применение электронных платежных средств и систем в преступной деятельности не рассматривается как дополнительный характеризующий критерий правонарушения, что порождает проблемы квалификации аналогичных правонарушений на практике [4.С,27].

Рассмотрев определение и главные признаки правонарушений, свершенных с применением электронных платежных средств и систем, полагаем целесообразным преступить к изучению их внутривидовой криминалистической классификации, которая считается одной из базовых процессов науки криминалистики.

Несмотря на то, что преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем являются разновидностью финансовых преступлений, для их правильной квалификации и расследования необходимо опираться методику расследования компьютерных преступлений. Компьютерные преступления достаточно сложно доказуемы, что подтверждают результаты исследования проведенного В.Б. Веховым «с определенной долей успеха расследуется лишь около 49% преступлений. Обвинительные приговоры выносятся лишь в 25,5% случаев от общего числа возбужденных уголовных дел. Средний показатель количества уголовных дел, по которым производство приостановлено, составляет 43,5% и ярко отражает низкую степень профессионализма сотрудников правоохранительных органов в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению указанных преступных посягательств». Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем более связаны с использованием компьютерных технологий, в связи с чем, можно предположить, что они еще более сложны.

Электронные платежные средства и системы могут обозначаться как объект противозаконного посягательства либо как способ совершения правонарушения [5]. Объектом противозаконного посягательства в данном случае, являются средства, находящиеся на счетах в данных системах, сведения о клиентах. Признак объекта правонарушения в составе правонарушения считается факультативным. Объектом противозаконного посягательства в преступлениях рассматриваемой группы являются электронные платежные средства, находящиеся на счетах в этих системах и охраняемая законом сведения о клиентах (их индивидуальные сведения, реквизиты доступа и т.д.).

Соотношение между научными категориями «компьютерные правонарушения» и «Правонарушения, свершенные с применением электронных платежных средств и систем» необходимо установить как «родовое» и «видовое».

Правонарушения, произведенные с применением электронных платежных систем и средств практически постоянно (95%) будут причислены к компьютерным, потому что:

- А) для их совершения применяется ПК либо другой способ взаимосвязи (аппаратное способ);
- Б) безоговорочное наличие подсоединения к локальным либо другим сетям.

Проанализировав проблему взяточничества с помощью электронных банковских систем, мы нашли положительный выход из данной проблемы, а именно информацию о настоящем положении проблемы и путей ее решения. Немного подробнее

Относительный прогресс количественных характеристик регистрации правонарушений коррупционной направленности предположительно связан с:

- выполнением мероприятий Национального плана по противодействию коррупции на 2016-2017 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147;

- введением в действие ст. 204.2 и 291.2 УК РФ, установивших уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, по которым к ответственности по упрощенной форме привлекаются лица, получившие незаконное вознаграждение в сумме до 10 тыс. руб. Это в итоге позволило следственным подразделениям органов внутренних дел сосредоточиться на выявлении коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере, число которых за 2016 г. увеличилось на 21 %, а размер установленного по ним ущерба составил почти 43 млрд руб.;

- улучшением учетно-регистрационной дисциплины, связанным с принятием указания Генпрокуратуры России № 744/11 и МВД России № 3 от 31 декабря 2014 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечня № 23 «Преступления коррупционной направленности», в котором определены как безусловно коррупционные преступления, так и список преступлений, которые могут быть зарегистрированы в качестве таковых только при наличии определенных условий в статистической карточке основного преступления - надлежащий субъект преступления, корыстный мотив и т.д.) [8. С. 25; 9. С. 38];

- активизацией прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания по делам о преступлениях коррупционной направленности. В результате прокурорских проверок снимаются с учета дополнительные эпизоды коррупционных преступлений, которые ранее необоснованно были зарегистрированы как отдельные преступления.

Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что правонарушения, произведенные с применением электронных платежных средств и систем, рационально характеризовать как самостоятельное преступное деяние, оно имеет особый предмет, объект, субъект, характерные черты криминалистической систематизации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем, целесообразно квалифицировать как самостоятельное преступление, они имеют особый объект, предмет, субъект, особенности криминалистической классификации.

Список литературы

1. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ получения взятки // Право и экономика. - 2002. - №5. - С.57
2. Илий С.К. Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6. -С. 38-43.
3. Козлов Т.Л. Проблемы профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах: монография. М.:Юрлитинформ, 2012. -192 с.
4. Логинов Е.Л. Отмывание денег через интернет-технологии: Методы использования электронных финансовых технологий для легализации криминальных доходов и уклонения от уплаты налогов: учеб.пособие для студентов вузов. М., 2005. -С. 25—28.
5. Титунина Е. Мошенничество в сфере функционирования электронных платежных систем — проблемы противодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnme-research.ru/articles/titunina1207>.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Казак Д.А.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Прокуратура всегда рассматривалась и использовалась в качестве действенного инструмента укрепления режима законности во всех сферах общественной жизни, в том числе, в сфере уголовного

судопроизводства. Прокурорский надзор за органами предварительного расследования играет большую роль в укреплении законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и позволяет оперативно устранить нарушения законности при расследовании уголовных дел.

На сегодняшний день законодатель значительно сократил пределы прокурорского надзора и соответствующие полномочия прокурора. Пределы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия были сокращены до проверки соответствия этой деятельности закону. Таким образом прокурор утратил руководящую роль при осуществлении уголовного преследования органами предварительного следствия.

В литературе по этому поводу отмечается, что передача некоторых полномочий прокурора руководителям следственных органов привела к дисбалансу между ведомственным и судебным контролем, прокурорским надзором [5, с. 99]. Несмотря на то, что, начиная с 2010 года, прокурору последовательно возвращается ряд процессуальных прав в связи с очевидным негативным влиянием их отсутствия на эффективность уголовного преследования, значительным числом ученых-юристов изменения признаются недостаточными [9, с. 16]. Одновременно отмечается, что положение прокурора применительно к надзору за деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания неадекватно [5, с. 112]. «Различный объем полномочий прокурора в отношении следствия и дознания не способствует поддержанию единства уголовно-процессуальной формы, не содействует равной степени защищенности прав и законных интересов участников досудебного производства по делам, расследуемым в форме предварительного следствия или дознания, не обеспечивает общего режима правоприменения и целостности надзорной прокурорской практики как юридического феномена» [4, с. 5]

Следует отметить о наличии иной позиции, преобладающей преимущественно у представителей следственных органов. В частности, А.М. Багмет говорит о том, что полномочие по направлению уголовного дела в суд должно принадлежать исключительно руководителю следственного органа [2, с. 48]. Другие ученые предлагают сократить объем контрольно-надзорных полномочий по ряду процессуальных вопросов руководителя следственного органа в отношении следователя [8, с. 139-141].

Представляется верной позиция о том, что субъекты, осуществляющие предварительное расследование, по отношению к прокурору должны иметь равный правовой статус, так как защита прав и законных интересов потерпевших, а также защита личности от незаконного обвинения и ограничения ее прав и свобод, являющаяся назначением уголовного судопроизводства, в том числе на стадии досудебного производства, существует вне зависимости от форм предварительного расследования.

Согласно мнению К.И. Амирбекова, на основании п. 9 ч. 1 ст. 37 и п. 5 ч. 1 ст. 37 УПК РФ субъекты органа дознания находятся по отношению к субъектам следствия в неравном процессуальном положении. Так, прокурор вправе изымать любое дело у органа дознания, передавать его следователю. При этом прокурор дает согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, тогда как эти же полномочия существуют у руководителя следственного органа в отношении следователя. [1, с. 31].

Видится более правильным то, что объем полномочий прокурора не должен ставиться в зависимость от форм предварительного расследования. К примеру, право разрешения отвода, заявленного следователю, право отстранения следователя от ведения дела должно быть представлено прокурору, а не руководителю следственного органа, как это предусмотрено действующим законодательством. Цель данных полномочий – обеспечение функционирования системы сдержек и противовесов в рамках уголовного судопроизводства, способствовании объективного хода предварительного расследования, а также усилении возможностей прокурора в направлении обеспечения защиты прав лиц, которые участвуют в данном процессе.

По мнению В. А. Лазаревой прокурор и в настоящее время остается главой обвинительной власти [7, с. 295]. Данную точку зрения автор аргументирует следующими положениями: данный субъект осуществляет надзор за законностью процессуальных действий следователя, дознавателя. Без утверждения прокурором обвинительного акта, обвинительного заключения или обвинительного постановления, уголовное дело не может быть передано в суд.

В юридической литературе существуют точка зрения, согласно которой у прокурора отсутствует достаточный объем полномочий применительно к судьбе уголовного дела на досудебной стадии. Так, к примеру, В.С. Шадрин утверждает, что «В условиях уменьшения до минимума многих полномочий прокурора в ходе предварительного расследования, для того, чтобы влиять на формирование обвинения в период нахождения у данного субъекта уголовного дела с обвинительным заключением, он должен иметь

достаточный комплекс прав, которые позволили бы определять дальнейшую судьбу уголовного дела. Кроме того, вышеуказанные права должны были бы компенсировать отстранение прокурора от руководства предварительным следствием. В том числе такие права как составление нового обвинительного заключения, которое смогло бы обеспечить эффективное поддержание государственного обвинения; прекращение уголовного дела либо уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично. Следует отметить, что лишение прокурора названных прав выглядит парадоксальным с учетом наличия у прокурора в судебном заседании прямо предусмотренной законом возможности отказаться от обвинения, а также изменить обвинение в сторону смягчения (на основании частей 7, 8 ст. 246 УПК РФ)» [9, с. 52].

Приведенные выше аргументы позволяют сделать вывод о том, что законодателю стоит расширить полномочия прокурора на досудебной стадии расследования, поскольку позиция прокурора должна формироваться на предварительных стадиях в связи с тем, что в дальнейшем данный субъект выступает как государственный обвинитель при рассмотрении уголовного дела судом, по вопросу об ограничении конституционных прав участников уголовного судопроизводства, поэтому она должна быть определяющей. Данную точку зрения поддерживают многие в юридической литературе

26 апреля 2017 года Генеральный прокурор Юрий Чайка, выступая в Совете Федерации, раскритиковал работу следователей, указав на то, что за последние два с половиной года сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, следственного департамента МВД и следственного управления ФСБ незаконно возбудили 6,7 тыс. уголовных дел, в рамках, расследования которых следствие заявляло ходатайство перед судом арестовать подозреваемых лиц. Однако, «никто перед ними (неправомерно арестованными) не извинился, никто не понес ответственности за это» [3].

Стоит отметить, что на сегодняшний день необходимо не только расширить полномочия прокурора в стадии предварительного расследования, но и наделить данного субъекта эффективными средствами надзора за предварительным следствием без какой-либо реструктуризации.

Выявляя и устраняя нарушения законодательства на предварительном следствии, в настоящее время прокурор практически лишен реальных и действенных мер прокурорского реагирования. Он не имеет права сам отменять незаконные и необоснованные постановления следователя, при серьезных нарушениях федерального закона не может возбудить уголовное дело, отстранить от ведения уголовного дела допустившего нарушения закона следователя, и т.д. – все эти вопросы он должен решать, обращаясь к руководителю следственного органа. Законодателю стоит внести поправки, которые не ставили бы полномочия прокурора в зависимость от формы предварительного расследования, а именно закрепить право прокурора разрешать отводы, которые заявлены следователю, а также закрепить право отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, в случае нарушения последним требований УПК РФ или иного нормативно-правового акта при расследовании уголовного дела.

Список литературы

1. Амирбеков К.И. Следственный судья, следователь, дознаватель, прокурор в досудебном производстве современного уголовного процесса: статус и полномочия // Вестник Генеральной прокуратуры РФ. 2016. №4 (48).
2. Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013 № 4
3. Ващенко В. Прокуратуре могут вернуть право возбуждать и прекращать уголовные дела // Власть и право. Режим доступа: URL :<https://www.gazeta.ru/social/2017/11/20/10995746.shtml>, дата обращения: 28.03.2018.
4. Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017
5. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. О полномочиях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1(12).
6. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. О совершенствовании уголовно-процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3.
7. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб.пособие. М. «Юрайт», 2016.
8. Магомедов А.Ш. Согласие руководителя следственного органа на возбуждение следователем

ходатайства перед судом: необходимость или препятствие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2013. № 7

- 9 Шадрин В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистика. 2015. № 1
- 10 Щепилов О.О. Соотношение прокурорского надзора, судебного и ведомственного процессуального контроля по УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Клипина И.Ф.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами – важнейшее направление деятельности органов прокуратуры. Статья 246 УПК Российской Федерации обязывает прокуроров принимать участие в рассмотрении всех уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, как в федеральных судах, так и в делах, которые рассматривают мировые судьи. Данные уголовные дела рассматриваются по единым правилам, которые зафиксированы в УПК Российской Федерации.

К функциям прокурора также принадлежит ведущая роль в установлении его правового статуса как участника уголовного судопроизводства. В российском уголовном судопроизводстве с одной стороны, прокурор выступает, как процессуальное лицо, деятельность которого регламентирована процессуальным законом, а с другой – как должностное лицо, на которого Законом о прокуратуре возложены функции надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина. То есть, можно сделать вывод, что на любой стадии рассмотрения уголовного дела судом прокурор, кроме обязанностей участника процесса со стороны обвинения, должен выполнять и свою правозащитную функцию.

Прокурор, являясь участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, также осуществляет надзор за предварительным следствием и дознанием в ходе предварительного расследования преступления, однако, он не имеет никакого права возбуждать уголовное дело или прекращать его производство, если происходит нарушение уголовного или уголовно-процессуального законодательства.

Нормативные правовые акты, составляющие правовую основу деятельности прокурора, претерпели большое количество изменений, в том числе касающихся стадии возбуждения уголовного дела. Отсутствие у прокурора права на возбуждение уголовного дела, это одно из самых существенных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, влияющее на статус прокурора в уголовном процессе. Действующий уголовно-процессуальный закон возлагает на прокурора полномочия по надзору за законностью в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия, что привело к лишению эффективных средств реагирования на факты выявленных прокурором нарушений законности посредством возбуждения уголовного дела. «Предусмотренная законом форма прокурорского реагирования, которая осуществляется путем обращения к органам расследования, а не самостоятельно, что демонстрирует снижение статуса прокурора» [2, с.22].

В ходе случившихся изменений, учеными и практиками выявлено, что необходимо вернуть прокурору ранее имевшиеся у него полномочия на возбуждение уголовного дела. В трудах Д.А. Ережепалиева установлено, что отсутствие у прокурора полномочия возбуждать уголовные дела не соответствует положениям ч. 1 ст. 155 УПК РФ. Из данной нормы следует, что прокурор при поступлении к нему материалов от дознавателя вправе принять одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ, то есть возбудить уголовное дело [5, с. 85]. Возвращение ранее упраздненных полномочий прокурору в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2010 № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» следует рассматривать как положительную тенденцию, но явно недостаточную, которая способна радикальным путём укрепить законность на стадии возбуждения уголовного дела и предотвратить неоправданную волокиту при устранении нарушений законности [6,

с.102], а это, по мнению Ережепалиева, показывает об отсутствии обоснованной концепции реформирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса [7, с.3].

Существует и другая точка зрения на произошедшие изменения объема полномочий прокурора и функциональной направленности его деятельности в ходе предварительного следствия. Так, по мнению Е. А. Буглаевой, эти изменения, а также реформирование органов прокуратуры оправдывают себя, об этом показывает повышение качества прокурорского надзора и предварительного следствия. По её мнению, такая тенденция, обусловлена тем, что проводимые реформы определили новые акценты в деятельности прокуратуры. В частности, прокурор в уголовном судопроизводстве ориентирован на приоритетное осуществление надзорных функций [8, с.13].

Думается, что происходящие изменения в статусе прокуратуры, действительно, подчеркивают роль прокуратуры как надзорного органа, тем не менее, они вряд ли способствуют надлежащему надзору за соблюдением законности. Так, О. С. Капинус отметил, что существенное сокращение объема полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия несколько не способствовало улучшению защиты прав граждан, а напротив, ухудшилось состояние законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства [9, с.22].

Так, полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о направлении в следственный орган или орган дознания соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), ставшее с 2010 года поводом к возбуждению уголовного дела, неоднозначно воспринято научным сообществом.

С точки зрения одних ученых, введя четвертый повод к возбуждению уголовного дела, «законодатель принял совершенно правильное решение, выделив рассматриваемое постановление прокурора в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела» [10, с.54], и это одна из немногих новелл, которая является относительно безупречной с точки зрения законодательной техники, она содержит позитивный потенциал совершенствования уголовного процесса в целом. Другие учёные обосновывают закономерность такого возникновения как результат прокурорской проверки в случаях обнаружения признаков преступного деяния. Тем не менее, даже ученые, позитивно оценивающие постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела, высказывают замечания по поводу его наименования, содержания и практического применения [с. 23].

По мнению учёных противоположной точки зрения, нельзя увидеть какое-то положительное явление нового закона, когда нём законодателем сведено правовое положение прокурора до обычного положения просителя или заявителя. В этом случае законодатель вместо совершенствования правовых предписаний вносит дисбаланс в действующие нормы. М. Т. Аширбекова справедливо отмечает что, по своей природе рассматриваемое постановление является актом прокурорского реагирования на нарушение законности, обнаруженные в результате прокурорских проверок исполнения закона в таких сферах деятельности, которые охватывают отрасли прокурорского надзора. В таком случае постановление прокурора, а также результаты прокурорской проверки, на которых оно основывается, не могут быть рассмотрены только лишь как информация о совершённом преступлении. В них находят своё отражение основания для возбуждения уголовного дела.

Соответственно, беря во внимание природу прокурорской власти, постановление прокурора не может пониматься в значении повода. Наделение прокурора полномочием выносить постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, призвано, видимо, как-то компенсировать лишение его права возбуждать уголовные дела. Однако в действительности вынесение подобного постановления является даже не полумерой, а явно недостаточной мерой прокурорского реагирования на выявляемые прокурором в ходе общенадзорных проверок» нарушения уголовного закона, что отрицательно влияет на обеспечение своевременности, законности и обоснованности возбуждения уголовных дел.

Такой же вывод вытекает и из анализа ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В п. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре также указывается, что при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты

уголовному преследованию в соответствии с законом. Такой действенной мерой и должно быть право прокурора на возбуждение уголовного дела.

В современных условиях следует признать, что положение, когда прокурор, выявляя в ходе проверки признаки совершенного преступления, не может немедленно возбудить уголовное дело и направить его для расследования, а вынужден направить материалы в следственный орган, препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [1, с. 22].

В связи с этим предусмотренное в законе полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства подлежит замене на полномочие при выявлении указанных фактов непосредственно в ходе осуществления надзора за исполнением законов возбуждать уголовное дело. Соответственно необходимо скорректировать содержание п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предусмотрев в ней также полномочие прокурора возбуждать уголовное дело при отмене постановления следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела. Так же следует внести изменения в ч. 2 ст. 140 УПК РФ: и исключить пункт 4, который предусматривает в качестве повода для возбуждения уголовного дела постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Соответственно статью 146 необходимо изложить в следующей редакции: «1. при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, прокурор, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносятся соответствующее постановление».

Проведенное исследование позволяет прийти к следующему выводу: Лишение прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела, что противоречит традиционному представлению о роли прокурора в уголовном процессе, лишает его наиболее эффективных средств реагирования на выявленные нарушения законности. Полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства должно быть заменено на полномочие возбуждать уголовное дело.

Список литературы

1. Амирбеков К. И., Егоров С. Е., Халиулин А. Г. Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 6(26). — С. 78;
2. Балакшин В. Возбуждение уголовного дела. — С. 22; Балакшин В. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. — 2008. — № 8. — С. 22.
3. Кругликов А.П. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник. — М.: Проспект, 2010. — 736 с.
4. Сычев Д. А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства // КриминалистЪ. — 2013. — № 1 (12). — С. 53.
5. Ережепалиев Д. Указ.соч. — С. 85. Соловьев А., Токарева М. Указ.соч. — С. 102.
6. Харебава Г. Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. — Ростов-на-Дону, 2012. — С. 3.
7. Буглаева Е. А. Указ.соч. — С. 13. Дикарев И. С. Четвертый повод для возбуждения уголовного дела // Законность. — 2012. — № 3. — С. 54.
8. Гриненко А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. — 2012. — № 11. — С. 23.
9. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]. <http://genproc.gov.ru/stat/data/1162324/> (дата обращения: 19.03.2017).

ЯЗЫК КАК ПРИНЦИП УСПЕШНОЙ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мирошникова Т.С. , Буфетова М.Ш.

/Miroshnikova T.S.Ю, Bufetova M.S./

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
Факультет Юридический институт, г. Иркутск

(Мирошникова Т.С. – магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, г. Иркутск;**Буфетова М.Ш.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, г. Иркутск)

(Miroshnikova T.S. – magister student of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University, Irkutsk,;**Bufetova M.S.**– PhD of Law, Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University, Irkutsk)

Отвод переводчика от участия в уголовном деле предусмотрен в случае, если он уже обладает другим процессуальным статусом в данном уголовном процессе, но ни в одном законодательном документе не сказано о невозможности привлечения в качестве защитника адвоката, говорящего с подзащитным на одном языке. Может ли защитник играть роль переводчика в одном уголовном процессе, стоит изучить данный вопрос подробнее.

Гражданин Финляндии А. Лагерблом, проживающий в Швеции более 20 лет, и считающий финский своим родным языком, подал жалобу в ЕСПЧ. Жалоба заключалась в отказе предоставления ему адвоката, говорящего по-фински. В ходе следствия Лагерблом не предоставлял требования о замене уже участвовавшего адвоката, но после вынесения обвинительного решения суда, гражданин обжаловал приговор, требуя замену адвоката «Х» на адвоката «С», т.к. второй говорил на финском языке. В качестве аргумента Лагерблом указывал невозможность выстроить стратегию защиты без защитника, говорящего на одном языке со своим подзащитным.

ЕСПЧ постановил, что со стороны суда и правоохранительных органов не были нарушены п. 1, 3 Конвенции, что привело к отказу удовлетворения жалобы. [1 с.42]

Стоит отметить, что заявитель пользовался услугами бесплатного защитника, замена которого возможна лишь при утрате доверия или при трудностях в сотрудничестве. [2]

Участие адвоката, говорящего на одном языке со своим защитником, является идеальным тандемом при построении тактики защиты, но данный факт не указан в международных документах в качестве основополагающего при предоставлении защитника.

Участие переводчика в уголовном судопроизводстве на сегодняшний день является довольно проблемным аспектом, связанным с языковым разнообразием России, возникшим из-за обширности территориальных границ. Редкие языки, диалекты отдельных народностей и национальностей вызывают сложности при реализации принципа использования родного языка в уголовном процессе.

Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 14 мая 1981 г. №R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию» уточнил, что если одна из сторон не обладает знаниями языка судопроизводства, государство должно взять на себя ответственность за решение проблемы устного и письменного перевода, и обеспечить благоприятное положение для таких участников при доступе к судебному процессу в силу неспособности понимать и говорить на языке судопроизводства. [3, с.17]

Данный комментарий вполне можно трактовать как необходимость привлечения к процессу защитника, владеющего одним языком со своим подзащитным, что в полной мере позволит обеспечить доступ участника к судебному процессу. Но если учитывать проблематичность предоставления переводчика, то можно ли говорить о возможности привлечения к уголовному делу защитника - билингва? Еще больший интерес вызывает возможность замещения таким защитником фигуры переводчика на всем протяжении уголовного процесса.

Лица, не владеющие языком судопроизводства, предпочитают в первую очередь после совершения преступления, не зависимо в каком процессуальном статусе они в последствие окажутся, обратиться к

адвокату, а не в правоохранительные органы. А адвокат, который не говорит на одном языке со своим подзащитным, в свою очередь, вынужден будет воспользоваться услугами переводчиком. [4, С. 155]

Защитник на этапе предшествующем возбуждению уголовного дела, наделен правом проведения опроса своего подзащитного, но стоит отметить, что деятельность переводчика на данном этапе не является в полной мере процессуальной. Согласно ст. 169 УПК РФ, переводчик привлекается к участию в следственном действии в соответствии со ст. 164 УПК РФ, то есть процесс принятия сообщения о преступлении, например, нельзя считать следственным действием. Для взаимопонимания со своим подзащитным адвокат может пригласить переводчика, но использование его перевода после возбуждения уголовного дела может быть подвергнуто скептической оценке. Даже нотариально заверенные переводческие документы могут быть рассмотрены в качестве доказательств по делу, лишь внушив доверие судье. Как поступить в данной ситуации защитнику, законодатель не указал.

Если же обвиняемый или подозреваемый настаивает на предоставлении ему бесплатного защитника – билингва, важно понимать, что процесс поиска такого адвоката может значительно затянуть уголовное разбирательство. Как было отмечено ранее, участие переводчика для осуществления помощи в уголовном судопроизводстве, зачастую бывает проблематично, т. к. поиски необходимого переводчика с определенного языка могут занять достаточное количество времени. Защитник – билингв должен иметь познания и в области юриспруденции и в области переводоведения, что становится невыполнимой задачей.

Согласно п. (а) ч. 3 ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека, каждый имеет право быть незамедлительно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения.[5] Защитник принимает участие в уголовном деле с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Таким образом, в момент задержания лица, не владеющего языком судопроизводства, не только не может воспользоваться помощью переводчика, но и не достаточно владеет языком, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Защитник на данном этапе может оказать содействие следствию, осуществив перевод с языка своего подзащитного на язык судопроизводства, но лишь до появления переводчика в уголовном процессе. К переводу, осуществленному защитником, правоохранительным органам следует относиться скептически, т. к. в интересах защитника оказывать помощь своему подзащитному, с возможностью утаивания отдельных деталей от следователя (дознателя).

Отдельный интерес вызывает возможность осуществления адвокатом переводческой деятельности в судебном заседании. Данную позицию стоит считать спорной, т. к. при ее осуществлении нарушается два основных принципа уголовного судопроизводства: невозможность совмещения двух процессуальных статусов одним участником по одному уголовному делу, и состязательность сторон.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, защитник не вправе участвовать в производстве по делу, если он ранее участвовал в рассмотрении данного дела в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого. Данная статья уже дает понять, что возможность участия защитника еще и в статусе переводчика исключена. Таким образом, законодатель не запрещает адвокату общаться со своим подзащитным на другом языке, но явно ограничивает возможность предоставления перевода стороной защиты.

Переводчик, как было отмечено Обидиной Л.Б., служит суду и судебному разбирательству. Целью его привлечения к уголовному процессу является установление взаимопонимания, что уже говорит о том, что он не может быть заинтересован в исходе дела. [6, с.521] Защитник же, в свою очередь, занимая сторону защиты, является заинтересованным лицом, что не позволяет ему брать на себя статус переводчика в одном и том же уголовном процессе.

Согласно ч. 1 ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Данный принцип выражается в возможности не только предоставлять доказательства сторонами защиты и обвинения, но и аргументировать каждый шаг своего оппонента. Выступление и прокурора и защитника тесно связаны с характеристикой ораторской речи, выражаясь в богатстве и эмоциональности языка. Слушатели воспринимают речь, строя свое собственное представление о сказанном, позволяя подключить воображение благодаря монологу оратора, окрашенному языковыми элементами.[7, с. 68]

Защитник, осуществляя перевод в уголовном процессе, и в судебном заседании в частности, может регулировать процесс построения как прений сторон, так и выступления своего подзащитного, свидетелей и других участников процесса. Принцип состязательности сторон в таком случае сводится к минимуму, позволяя адвокату выстраивать процесс в выгодном для своей стороны «свете». Ни доводы прокурора, ни

комментарии специалиста не могут быть рассмотрены как объективные, когда обвиняемый (подозреваемый) не может прокомментировать отдельные доказательства. Аргументы же, переводимые адвокатом, вполне могут принять ложную окраску, представив в выгодном ракурсе лицо, способное спрятаться за незнанием языка судопроизводства.

Делая вывод из вышеизложенного, следует понимать, что защитник - билингв, и защитник, взявший на себя функции переводчика, являются разными фигурами. Защитник, говорящий на одном языке со своим подзащитным, позволяет в полной мере обеспечить право участника судопроизводства на пользование родным языком. Однако, адвокат, объединяющий функции перевода и защиты, является скорее заинтересованным лицом, не позволяя в полной мере осуществить правосудие.

Список литературы

1. Гуськова А.В. Ошибки при предоставлении переводческих услуг в уголовном судопроизводстве как повод для подачи жалоб в Европейский Суд по Правам Человека / А.В. Гуськова // Наука.Мысль. – Волжский: ИП Подколзин М.М., 2016. - № 11. – С. 40-43.
2. Прокуратура Санкт-Петербурга об отказе от защитника в уголовном судопроизводстве [сайт] URL: <http://procpb.ru/explain/872-otkaz-ot-zashchitnika-v-ugolovnom-sudoproizvodstve?priny=1> (дата обращения 23.02.2018 г.).
3. Мазюк Р.В., Куулар Ю.Ц. Компетентность переводчика и публичный интерес в уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. - № 3 (11). – С. 16-26.
4. Обидина Л.Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2015. - № 4 (32). – С. 152-158.
5. Европейская Конвенция по правам человека [сайт]. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 23.02.2018 г.).
6. Обидина Л.Б. Кому служит переводчик в суде? / Л.Б. Обидина // Юридическая техника. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2017. - № 11. – С. 517-521.
7. Агаронова Э.Э. К вопросу об эффективном использовании языковых средств в публичном выступлении прокурора / Э.Э. Агаронова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар: Наука и жизнь, 2016. - № 11. – С. 67-69.

ДОСТОВЕРНОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Пипоян Г.К.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Расследование уголовного дела представляет собой ретроспективное познание обстоятельств неизвестного события преступления по его следам. Объектом такого исследования является общественно опасное противоправное деяние, которое должно быть восстановлено и познано субъектами доказывания полно и всесторонне. Поскольку следствие и суд интересуют лишь те обстоятельства, события и поступки людей, которые оцениваются действующим уголовным правом как преступные, постольку исследованию подлежат только факты, имеющие значение для применения уголовно-правовой нормы. Определением понятия конкретного преступления является не перечисление всех признаков деяния, а только наиболее важных, существенных из них, которые характеризуют данное деяние как преступное и отличают его от других преступлений. Только закон является критерием существенности признаков конкретного деяния.

Главным в процессе познания по уголовному делу является достоверное установление наличия или отсутствия состава преступления, только в этом случае возможно справедливое наказание действительного преступника и оправдание действительно невиновного. Состав преступления можно рассматривать как конъюнкцию — логически необходимую совокупность признаков понятия, отсутствие хотя бы одного из которых влечет те же последствия, что и отсутствие всей совокупности[1].

В ходе собирания и проверки доказательств субъект доказывания направляет свою деятельность не на обвинение или защиту, а на выяснение обстоятельств совершенного преступления. Как отмечает А.С.

Барабаш, «смысл уголовно-процессуальной деятельности не в том, чтобы во что бы то ни стало обвинить, а в том, чтобы познать и на основе познанного сформулировать свое отношение к совершенному и совершившему»[2].

Некоторые авторы, ссылаясь на то, что УПК РФ не упоминает об истине как цели доказывания, делают вывод, что «в уголовно-процессуальном доказывании не проводится различие между достоверностью и вероятностью. Соответственно, предел познания обстоятельств дела может быть только вероятностным. При этом вероятностный вывод должен быть юридически обоснован»[3].

Представляется, что такой вывод не может быть признан правильным, поскольку, согласно ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, в процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена достоверность каждого доказательства и их совокупности, лишь при таком условии собранные доказательства могут стать основанием законного и справедливого приговора.

В свое время А.С. Жиряев, предупреждая о логической и юридической несостоятельности принципа осуждения на основе правдоподобия, правильно указывал, что вероятное знание может влечь лишь вероятную или возможную, но никак не действительную санкцию. «Преступление, не вполне доказанное, — писал он, — и не существует юридически, вероятность же могла бы иметь своим последствием разве только вероятное же, но не действительное наказание подсудимого»[4]. М.С. Строгович также отмечал, что как бы ни была высока вероятность какого-либо факта (например, виновность обвиняемого), пока это вероятность, всегда имеется вероятность обратного (т.е. невиновности); самая высокая степень вероятности оставляет возможность иного решения дела[5].

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о динамике взаимодействия и соотношения в процессе расследования по уголовному делу достоверного и вероятного знания. Исходя из того, что достоверность — это то же, что и доказанная истинность, речь идет также и о соотношении в процессе доказывания по уголовному делу знаний истинных и вероятных.

Освещая вопрос о соотношении достоверного и вероятного знания, Г.А. Геворкян отмечает, что «знание определяется как достоверное, когда у нас имеется полное основание утверждать, что его истинность окончательно установлена, так как оно не нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве), и потому у нас имеется полная субъективная уверенность, убежденность в нем.

Знание вероятно, если у нас имеется не полное, а только некоторое основание считать его истинным, так как оно нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве), и потому оно вызывает у нас определенную уверенность, но мы готовы к тому, что эта уверенность не оправдается»[6].

В теории познания «вероятный» означает «в большей или меньшей степени претендующий на истинность, не имея на то достаточных оснований»[7]. Значит, вероятность — такое предположение, в пользу которого есть аргументы и доводы, располагающие к принятию или неприятию его за истину, но твердые основания для уверенности в его истинности отсутствуют. Поэтому вероятное знание нуждается в дополнительном логическом или практическом обосновании.

Напротив, достоверным считается знание, когда есть основания утверждать, что истинность его установлена. Отсюда следует, что вероятность и достоверность являются характеристиками знания, выражающими степень его обоснованности.

Таким образом, достоверное знание отличается от вероятного логическая или практическая обоснованность выражаемой в нем истины. Диалектика развития знания подчиняется закону трансформации вероятностных знаний в достоверные за счет выявления оснований их истинности. Формами удостоверения истины являются обоснование и доказательство, поэтому в процессе расследования уголовного дела посредством собирания, проверки и оценки доказательств вероятное знание об обстоятельствах преступления, о виновности или невиновности подозреваемого должно быть преобразовано в обоснованное этими доказательствами достоверное знание.

Расследование преступления начинается с рассмотрения той информации, которая попадает в распоряжение лица, ведущего производство по уголовному делу, и которой почти никогда не бывает достаточно для определенных, однозначных выводов. Субъекту доказывания приходится принимать решения в условиях, для которых характерна та или иная степень неопределенности. Для начального этапа расследования характерно преобладание вероятных знаний над достоверными, при этом их вероятность обусловлена как объективными (отсутствие достаточных данных), так и субъективными (профессиональный опыт, запас знаний, а также правильное их применение в процессе познания) причинами, поэтому является неизбежной на данном этапе. Вся имеющаяся информация должна быть подвергнута тщательному изучению с целью выявления особенного в каждом факте, установления связей между отдельными фактами и каждого

из них с событием преступления. Таким образом решается задача установления относимости полученной информации к событию преступления и выдвижение версий о путях наиболее эффективного поиска недостающих сведений, имеющих значение для дела.

Истина и вероятность — разные понятия, но они связаны между собой так же, как связан результат познания со средствами и способом познания [8]. Поэтому первоначальные сведения, имеющиеся в распоряжении субъекта доказывания, являются средством, отправным пунктом, точкой отсчета для формирования верного представления об обстоятельствах совершенного преступления, т.е. получения достоверного знания. Как отмечал Дж. Ст. Милль, «так как мы можем переходить лишь от известного к неизвестному, то мы принуждены начинать с того конца, относительно которого мы наиболее осведомлены»[9]. Вероятность является средством, а достоверность — целью и результатом познания по уголовному делу.

Отношение вероятного знания к достоверному с логической точки зрения является отношением частичной совместимости, т.е. вероятное знание может быть истинным, но может и не быть им, при этом если первоначальная, вероятная информация верно отражает реальные факты и связи между ними, то в ходе ее сопоставления с информацией, получаемой в процессе проведения последующих следственных действий, неизбежно будет найдено ее подтверждение. Напротив, недостоверная информация, первоначально казавшаяся истинной, не может иметь объективных связей ни с фактами реальной действительности, ни с информацией, получаемой из других источников, поэтому при ее проверке обязательно обнаружится ее противоречивый характер и несоответствие имеющимся в деле данным. Если получаемое в процессе расследования преступления знание истинно, то и практическая деятельность следователя, основанная на таком знании, будет вписываться в закономерности объективного мира, не будет противоречить им и, следовательно, обеспечит достижение ожидаемых результатов.

-
- Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 175.
- ² Барабаш Л.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса. Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44.
- ³ Пискун О.Л. Истина в уголовном судопроизводстве. дис. канд. юрид наук. Иркутск, 2006. С. 149.
- ⁴ Жиряев А.С. Теория улик. 1855. С. 121.
- ⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968-1970.
- ⁶ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 2000. С. 243.
- ⁷ Алексеев А.П. Краткий философский словарь. М.: Проспект, 1999. С. 48.
- ⁸ Пискун О.Л. Истина в уголовном судопроизводстве. дис. канд. юрид наук. Иркутск, 2006. С. 149.
- ⁹ Жиряев А.С. Теория улик. 1855. С. 121

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Раушанова Э.Р.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Неотъемлемой и одной из главной составляющей гарантией обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе можно считать обеспечение проверки доказательств на их допустимость, что предполагает исключение доказательств, полученных с нарушением закона.

Отметим, что до настоящего времени в УПК РФ не содержится такого понятия как допустимость. Но законодатель закладывает данное требование, отсылая нас к ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, говоря о том, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» понимаются не только нормы УПК РФ, но и нормы (принципы), содержащиеся в международном праве.

Анализ сущности и содержания понятия допустимости доказательств, проводился многими процессуалистами разного времени. Нет единого мнения о понятии допустимости доказательств. Среди учёных существуют самые различные точки зрения, что можно увидеть из таблицы 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика различных подходов к содержанию допустимости доказательств

А.П. Гуляев[1]	Допустимость доказательств - признанная законодателем возможность использования источника фактических данных в качестве процессуального носителя информации об этих данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу, а также процессуального закрепления этой информации управомоченными на то лицами или органами в установленном законом порядке (посредством действий) при соблюдении нравственности
А. А. Давлетов [2]	Допустимость доказательства складывается из доброкачественности носителя информации, законности способа их получения и соблюдения предусмотренного законом порядка применения процессуального способа закрепления информации.
П.А. Lupинская [3]	Условия допустимости фактической информации, «собираемой по делу: а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок и предположений
В.В. Мозяков [4]	Допустимость доказательств - «возможность (позволительность) использования доказательства в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела». Распространяет требование о пригодности не только на источник, способы и порядок получения сведений о фактах, но и на сами сведения о фактах.
А. Ф. Соколов [5]	Допустимость - пригодность доказательства с точки зрения его процессуальной формы.
М. С. Строгович [6] Р.Х. Якупов	допустимость доказательств - это его способность как источника сведений о факте быть средством установления этого факта, если при этом: а) источник сведений соответствует условиям, указанным в законе ; б) эти источники облечены в определенные процессуальные формы, предусмотренные законом.
Н.В. Сибилева [7]	одним из признаков допустимости доказательств считает строгое соблюдение норм нравственности при их получении
С. А. Шейфер [8]	Допустимость характеризует два элемента: объект носитель и форма закрепления носителя информации. Третий элемент - сама доказательственная и иная информация - этим свойством не обладает.

Анализ точек зрения различных процессуалистов позволяет сделать вывод, что допустимость является одним из юридических свойств доказательств, характеризующееся с точки зрения законности источника сведений о фактах, а так же способов и средств его закрепления.

Проведя сравнительную характеристику различных подходов к содержанию допустимости доказательств можно заметить, что сущность допустимости понимается по разному, чаще всего, ввиду смешение допустимости с другими свойствами. В частности, смешение допустимости с достоверностью допускает, на наш взгляд, С.А. Шейфер, считающий, что доказательство может быть признано недопустимым, когда примененный познавательный прием оказывается недостаточно эффективным [8] .

Определение, выдвинутое К.Ф. Гуценко вызывает критику по двум аспектам: во-первых, определение допустимости доказательств через посредство термина «возможность», т. е. ту же допустимость, а, во - вторых, со ссылкой на нормы нравственности. Эти нормы не закрепляются в уголовно-

процессуальном законе, но, вместе с тем, учитываются при разработке, поэтому какой-либо необходимости вводить данное выражение в определение нет [1].

Соглашаясь с мнением большинства авторов, делаем вывод, что содержание данного юридического свойства доказательств складывается из определенных критериев:

1. надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальное действие, направленное на получение доказательств;
2. надлежащий источник получения доказательственных сведений;
3. надлежащая процедура проведения процессуальных действий;
4. возможность установить первоисточник полученных сведений и возможность их проверки.

Поэтому традиционно и объяснимо не признавались доказательствами не только сведения об обстоятельствах совершения преступления, полученные с нарушением установленного законом порядка, но и сведения, полученные вне установленной законом процедуры.

Современное уголовно-процессуальное законодательство претерпело немало изменений, которые, так или иначе, затронули ранее выделенные критерии. В связи с приданием законной формы оперативно-розыскной деятельности, ее результаты стали широко использоваться как доказательства факта совершения преступления. Фактически легализовано собирание некоторых видов доказательств адвокатом-защитником и другими участниками процесса, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность. Активно обсуждаются границы допустимости использования в качестве доказательств таких сведений и вырабатываются правила, призванные обеспечить их соответствие теоретическим канонам, некоторые из них нашли свое место в тексте УПК РФ (например, ч. 3 ст. 80, ч. 3 ст. 86, ст. 89). Становится ясно, что теоретические представления о понятии и допустимости доказательств тоже нуждаются в обновлении.

Особую остроту в новых условиях постепенно обретал вопрос о допустимости использования в качестве доказательств материалов, полученных до возбуждения уголовного дела и на стадии дознания. Анализ практики показывает, что существует тенденция к постоянному расширению рамок так называемой следственной проверки. В ранее действующем УПК в ходе следственной проверки допустимым следственным действиям считалось – осмотр места происшествия. Но с принятием нового УПК РФ 2001 г. законодатель в ст. 146 УПК узаконил такие следственные действия по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, как осмотр места происшествия, освидетельствование и даже назначение судебной экспертизы, что ранее могло быть произведено только после возбуждения уголовного дела. ФЗ от 4 июля 2003 г. N 92-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" предоставил органам предварительного расследования при проверке сообщений о преступлениях право требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов (ч. 1 ст. 144), а ФЗ от 9 марта 2010 г. N 19-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" добавил к уже закрепленным приемам следственной проверки право проводить исследование предметов, документов, трупов. ФЗ от 28 декабря 2010 г. N 404-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия" добавил к этому перечню право давать органам дознания обязательное для исполнения поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий. С принятием следующих изменений в УПК РФ ФЗ от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ..." к уже предусмотренным в ч. 1 ст. 144 способам следственной проверки добавлены: получение объяснений; получение образцов для сравнительного исследования; истребование и изъятие ("в порядке, установленном УПК") предметов и документов; не только назначение, но и проведение судебной экспертизы ("принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок"); осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов, трупов.

По нашему мнению, расширив границы пределов следственной проверки и дознания, включив в него целый ряд мер административно-правового характера, законодатель установил положения,

существенно меняет содержание самого понятия доказательств, способов их получения, специфики и целей доказывания на отдельных стадиях процесса.

Ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ гласит - "Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса". Из чего следует, что материалам, полученным до возбуждения уголовного дела, путем применения не только следственных действий, но и непроцессуальных способов получения информации, было придано значение полновесных доказательств.

Данные нововведения в УПК РФ ставят под сомнение один из критериев допустимости доказательств – «надлежащая процедура проведения процессуальных действий», разрушая при этом устоявшиеся представления о процессуальной форме как гарантии допустимости и достоверности доказательств, служащих основанием для вынесения приговора.

Из буквы закона следует, что в качестве доказательств по уголовному делу допускаются не любые сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, а только те из них, которые перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Эти сведения должны быть получены в порядке, установленном законом, ибо доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, признаются недопустимыми, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Собираение доказательств производится путем следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК (ч. 1 ст. 86). Но можно ли считать закрепленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ приемы доследственной проверки процессуальными действиями?

Представляется очевидным, что процессуальность тех или иных действий и допустимость полученных в ходе их проведения результатов напрямую связана с наличием в законе и соблюдением на практике правил их проведения (ст. 75 УПК). С этой точки зрения большинство проверочных действий, кроме следственных, оказываются непроцессуальными, так как закон не определяет процедуры их проведения. Можно ли в таком случае считать, что сведения, полученные с помощью таких проверочных действий, в качестве доказательств недопустимы? Буквально ст. 75 УПК говорит лишь о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований закона, но можно ли говорить о соответствии или несоответствии закону процедуры. С одной стороны, закон не регулирует процедуру таких действий, но, с другой, он ее как бы "опроецирует", называя эти действия, разрешая их проведение и даже давая некоторые указания, соблюдение которых, по логике вещей, должно обеспечивать возможность использования полученных сведений именно как доказательств[6].

В частности, ч. 1 ст. 144 говорит о том, что изъятие предметов и документов должно происходить в порядке, установленном УПК, а ч. 1.1 ст. 144 - о том, что участвующим в проверочных действиях лицам разъясняются права и обязанности, предусмотренные УПК, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

В связи с этим, даже признав полученные непроцессуальным путем сведения полноценными доказательствами, проблема оценки их не решается. Такие доказательства заведомо менее надежны и более уязвимы для критики. Не случайно до настоящего времени в теории нет однозначного ответа по вопросу о признании доказательствами предметов и документов, представляемых защитниками, при всей привлекательности этой идеи с позиций состязательности уголовного процесса. Но если доказательственное значение представленных защитником материалов ослабляет ненадежность способа их получения ввиду невозможности использования им более надежного способа, т.е. следственного действия, то разумно объяснить допущение столь же ненадежных способов собирания доказательств официальными, властными должностными лицами трудно, если не сказать больше[3].

Таким образом, допуская возможность собирания доказательств в отдельных случаях в свободной от процедурных требований форме, ставится под сомнение один из критериев допустимости доказательств. Уравнивая ценность доказательств, полученных в строгой законной процедуре, с иными доказательствами законодатель обесмысливает понятие допустимости.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что данные преобразования нельзя рассматривать как целесообразные действия в достижении перехода к иному типу судопроизводства - действительно состязательному, основанному на подлинно свободной оценке доказательств независимым и объективным судом.

Список литературы

1. Гуляев А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Рос. следователь. 2012. № 11. – С. 27-31.
2. Давлетов А. А. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2010. N 9. – С. 211- 219.
3. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / П.А. Лупинская. – М.: Норма, 2013. — 1072 с.
4. Мозяков В.В. Руководство для следователей / В.В. Мозяков. – М.: Экзамен, 2005. - 912 с. ISBN: 5-472-00420-9
5. Соколов А.Ф. Прокурорский надзор: учеб.-метод. пособие / А.Ф. Соколова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014.-144с.
6. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник / Строгович М.С. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. - 511 с.
7. Сибилева Н.В. О перспективах совершенствования института дознания // Адвокатская практика. 2008. № 2
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования /С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. - 473 с.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД

Январь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2018г.

Февраль 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2018г.

Март 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2018г.

Апрель 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2018г.

Май 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2018г.

Июнь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2018г.

Июль 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2018г.

Август 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Теоретические и практические аспекты развития юридической науки**», г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2018г.

Сентябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития**», г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2018г.

Октябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции**», г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2018г.

Ноябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2018г.

Декабрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2019г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Проблемы и перспективы юриспруденции
в современных условиях**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 июня 2018 г.)**

г. Казань

2018г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.06.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,2.
Тираж 250 экз. Заказ № 061.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.